

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Московский Бродвей

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Московский Бродвей / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Господин адвокат)

Чем подрабатывают «на кусок хлеба с икрой» отечественные поп-звезды? Естественно, большим бизнесом! Какова «крыша» всякого российского большого бизнеса? Конечно, мафия! Вроде бы все ясно? Вроде бы... Однако расследование «господином адвокатом» совершенно внутрифинансовых на первый взгляд трудностей двух эстрадно-мафиозных «семей» внезапно превращается в загадочное дело о нелепых покушениях на убийство. Дело, в котором переплелись — шантаж? Месть? Ненависть? ...Подозреваемые противоречат не только друг другу, но и самим себе. Улики кажутся явно натянутыми, а мотивы — слишком неправдоподобными. «Господин адвокат» должен найти истину в сплетении сплошной лжи...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Фридрих Незнанский

Московский Бродвей

Глава 1

— Ну где же они? — в сотый раз глядя на часы, вопрошал худой, болезненного вида режиссер с жидкой рыжеватой бородкой. — Светик, солнышко, сбегай вниз, посмотри, нет ли этих...

Некрасивое лицо режиссера выражало крайнюю степень озлобленности, смешанной с усталостью, переходящей в безнадежность.

— Ну что бегать, Савелий Яковлевич? — заныла ассистентка Света, румяная деваха с полными белыми руками и в коротком платье. — Можно и в окошко выглянуть. Их машину сразу заметишь...

— Сбегай, сбегай, не ленись. — Режиссер в изнеможении опустился на диван с гнутыми ножками, стиля Людовика этак Шестнадцатого, и бесцеремонно закинул прямо на шелковую обивку ноги в дорогах, но очень пыльных ботинках. Ассистентка Света рысью побежала к выходу из павильона.

Присутствующие на съемочной площадке, увидев, что сам режиссер принял горизонтальное положение и явно намерен передохнуть, моментально расслабились, как по команде «вольно». Оператор опустился в пляжный шезлонг, стоящий рядом с тележкой на рельсах, ассистенты и помощники разбрелись по площадке, достали пластиковые бутылки с газировкой, зашуршали пакетами с бутербродами. Весело загудел электрический чайник в углу. Три осветителя в грязных майках погасили софиты, достали свой «беломор» и задымили, держа папиросы заскорузлыми пальцами. Девушки достали пудреницы и занялись своими носами.

В одном из бесчисленных съемочных павильонов Останкинского телецентра было очень жарко. Даже после того как мощные источники света погасли, воздух здесь казался густой горячей массой, облегавшей все тело и выгонявшей из организма последние капли жидкости.

Режиссер обвел взглядом полководца площадку, тяжело вздохнул, вынул из золотистого портсигара короткую толстенькую сигаретку без фильтра и тоже закурил. Он сильно нервничал. Впрочем, состояние нервозности было весьма характерно для съемок телепрограмм, к участию в которых приглашены звезды эстрады. Никто и представить не может, с какими ужасными и порой непреодолимыми трудностями сталкивается режиссер в таких случаях! У каждой звезды масса собственных запросов: одной необходимо, чтобы ее артистическая уборная была оборудована кондиционером с джакузи, другая требует ананасов в шампанском, третья еще каких-нибудь выкрутасов, которые рождаются в воспаленном мозгу дорвавшегося до огромных денег вчерашнего провинциала. Все звезды, как одна, ненавидят остальных, все отказываются выступать вместе, поэтому их необходимо разводить во времени... И все без исключения обладают скверной привычкой невоспитанной барышни: они постоянно и непременно опаздывают на съемки.

Это, пожалуй, было самым худшим. Потому что отвечать перед продюсером за простой группы и съемочной техники придется именно ему, Савелию Ковтуну, режиссеру этой дурацкой программы. А для продюсера опоздание и прочая чепуха не аргумент.

Толстый и длинный столбик пепла упал с сигареты режиссера на обивку старинного дивана и немедленно прожег дырку в красивом набивном шелке. Ковтун поморщился, жестом указал декоратору на повреждение. Тот немедленно принялся клеить заплатку. Режиссер тяжело поднялся и, заложив руки в карманы, прошелся по павильону.

Интерьер павильона воспринимался как насмешка. Несмотря на страшную жару, здесь царила холодная и снежная зима. Более того, по сценарию здесь встречали Новый год... Все вокруг было украшено блестящими игрушками и праздничной мишурой, стояли елочки всех размеров, пол был засыпан специальной, жутко дорогой (режиссеру это было известно лучше других) импортной имитацией снега. Шли съемки новогодней программы ОРТ. Ковтун с радостью бы перенес их на более подходящее время года, но дирекция твердила свое: быстрее, быстрее, быстрее... Вот и приходилось париться...

Ковтун посмотрел в сторону массовки. По смелому замыслу сценариста, действие происходило в Голландии, в королевском замке, где-то в середине семнадцатого века. Причем в морозную зиму. Поэтому мужчинам выдали тяжелые, расшитые золотом камзолы, треуголки, подбитые фальшивым мехом пелерины и высокие сапоги, а дамам — платья с пышными кринолинами и теплые накидки. Теперь же, во время перерыва, угол, где устроилась массовка, походил больше на общую баню: все скинули тяжелые одежды и остались кто в чем. Плавки и кружевные трусики смотрелись чем-то лишним на потных, раскрасневшихся телах. Мужчины в трусах и напудренных париках лениво развалились на диванах. Женщины, больше для порядка, прикрывали грудь полотенцами. Впрочем, никому в такую жару было не до флирта — добраться бы до холодного душа...

Да, подумал Ковтун, пожалуй, неплохо было бы встать под холодный душ. И стоять под струями ледяной воды как можно дольше... Но к сожалению, отлучаться никак нельзя. Нужно быть на месте и ждать этих... Ковтун с обидой покосился на большую дверь в дальнем углу павильона. Ассистентка Света все не шла.

Хорошо еще, нет публики... Совсем бы намучились. Ковтун несколько раз снимал передачи, которые предполагали присутствие публики в зале. Одному пить хочется, другому в туалет, у третьего аритмия. Кошмар!

Ковтун вздохнул, затушил бычок в вазе с бутафорским фикусом и немедленно достал из портсигара еще одну сигарету. Полуголая массовка глядела на него с завистью. Вообще-то в павильоне курить было строго запрещено — любая искра могла поджечь декорации. Но по неписаным законам на режиссеров эти правила не распространялись. Все, что способствовало поднятию его работоспособности и творческого духа, приветствовалось и поощрялось, даже если выходило за рамки дозволенного. Кроме него, курить разрешалось еще и осветителям, которые, во-первых, без курева работать решительно отказывались, а во-вторых, проходили специальный противопожарный инструктаж и были материально ответственными за любые возгорания.

Ковтун сделал еще пару вялых кругов по съемочной площадке, промокнул неприятно-влажным платком лоб и затылок, снова сел на антикварный диван. В павильоне стояла тишина, прерываемая негромкими разговорами массовки.

— Приехали, — влетела в дверь ассистентка Света, — уже поднимаются! Сейчас будут здесь!

Долгожданное известие совершенно не обрадовало Ковтуна, а только заставило его опять недовольно взглянуть на часы. Из восьми часов, отпущенных на смену, три прошли в бесплодном ожидании... Опять продюсеры будут ворчать.

— Так, — несколько раз хлопнув в ладоши, произнес он зычным режиссерским голосом, — все по местам. Массовка, подготовьтесь. Свет, камера!

Мужчины и женщины из массовки нехотя поднялись и принялись натягивать на себя пыльные, тяжелые костюмы. Вокруг завертелись костюмерши.

— Грим массовке, — напомнил Ковтун.

Из коридора донеслись гулкие звуки шагов нескольких пар ног и громкие разговоры, перемежаемые взрывами смеха. Ассистентка Света многозначительно заморгала Ковтуну.

«Ну да, — печально подумал тот, — им, конечно, весело. Смеются... А на то, что другим не до смеха, им, конечно, насрать...»

Секунду спустя в широких дверях съемочного павильона появилось несколько человек. Процессию возглавлял высокий человек почти двухметрового роста, широкоплечий, массивный, но неуловимо изящный, передвигающийся с какой-то кошачьей грацией. Длинные кудрявые волосы, намазанные чем-то блестящим, закрывали пол-лица, и ему приходилось то и дело смахивать их со лба, чтобы не наткнуться на стену, — это, очевидно, являлось частью его имиджа. На его смуглом лице застыло самодовольно-нахальное выражение.

«Как огурчик выглядит, — с тоской подумал Ковтун, — конечно, такие бабки заколачивать... Да еще с такой женой...»

Да, это был он — любимец российской публики, настоящая звезда эстрады певец Элем Симеонов, который прославился не столько своими выступлениями, сколько удачной женитьбой на легендарной Анне Разиной.

Вслед за Симеоновым шла его знаменитая жена — легенда советской, а затем и российской эстрады Анна Разина. Конечно, изрядно постаревшая, потускневшая и утратившая былое очарование, но еще в отличной форме. Пожалуй, она и теперь могла дать фору любой из десятков девчонок со слабыми голосами, которые разъезжали по России, выступая с концертами по провинциальным городам и зарабатывая большие деньги, на которые сразу же покупалась «визитная карточка» любой эстрадной звезды — длинный, как трамвай, бестолковый и неповоротливый «линкольн». Любая из бесчисленных певиц отдала бы полжизни хотя бы за частичку славы Анны Разиной. Славы и влияния... Лишь несколько человек в российском шоу-бизнесе обладали таким влиянием.

Звездную пару сопровождали трое охранников — здоровенных малых с бычьими шеями и не менее бычьими лицами. Войдя в павильон, они профессионально оглядели помещение и, не заметив ничего опасного, продолжили движение.

Ковтун сделал над собой усилие, нацепил профессионально-доброжелательную улыбку, раскинул руки в стороны и направился к ним.

Присутствующие на площадке по-разному отреагировали на появление кумиров. Осветители, не обратив ровно никакого внимания, продолжали дымить своим «беломором», ассистенты и помощники также продолжали заниматься своими делами. Только массовка с интересом поглядывала на вошедших. Еще бы — не каждый день увидишь вживую тех, кого привык видеть только на экранах телевизора.

— Приветствую, Анна Кирилловна, — с деланой радостью, которая, впрочем, не слишком отличалась от настоящей, воскликнул Ковтун. — Очень рад вас видеть! А мы уж думали, вы не появитесь.

— Ну что ты, Савва! — ответила Разина. Она переходила на «ты» начиная со второй минуты разговора, тем самым моментально показывая собеседнику, кто есть кто. — Мы же договаривались! Как мы можем подвести? А что касается опоздания... Просто мы сначала на концерте задержались, потом в пробке... Ты же знаешь, какие в Москве автомобильные пробки!

— Да, и не говорите! Страшные пробки! — ответил Ковтун, который уже полгода ездил на метро: машину пришлось продать, чтобы рассчитаться с долгами. — Очень рад вас видеть. Очень рад. Замечательно выглядите, Анна Кирилловна.

Высокомерно кивнув и чуть растянув губы в подобии улыбки, Разина ответила на комплимент. Затем вынула из сумочки сигарету и закурила. Охранники стояли как статуи.

— Здравствуйте, Элем, — обратился Ковтун к певцу, — ну как, вы сегодня в форме? Тот пожал протянутую режиссерскую ладонь и кивнул.

— Я всегда в форме! Как бык-производитель! — повернувшись к жене, тяжеломерно сострил Симеонов. Разина даже не улыбнулась, осматривая павильон.

В ответ на шутку певца Ковтун заставил себя растянуть губы в жалкой улыбке.

— Жарко тут у вас, — заметила Разина.

Режиссер развел руками:

— Ничего не поделаешь. На такую площадь никаких кондиционеров не хватит. А вентиляторы тоже включать нельзя, они нам весь снег сдуют. Так что приходится терпеть.

— Ну ничего, потерпим! — жизнерадостно потер ладонями Симеонов. — Как говорится, вперед и с песней!

И сам же оглушительно и неожиданно захохотал. Нервный Ковтун вздрогнул и потянулся длинными тонкими указательными пальцами к своим пульсирующим вискам. Разина продолжала дымить и осматривать павильон. Охранники даже бровью не повели.

— Хорошо, — слабым голосом произнес Ковтун, — можете переодеваться, Элем. Там для вас приготовлена отдельная уборная.

Он указал в угол павильона.

При слове «уборная» Разина оживилась, щелкнула пальцами охранникам:

— За мной, ребята.

И все пошли в сторону артистической уборной. Туда же потянулись костюмеры и гримеры со своими ассистентами.

Ковтун опять захлопал в ладоши, впрочем, все было готово к съемкам.

Спустя несколько минут Симеонов вышел из артистической уборной. Он был великолепен — расшитый золотым позументом камзол, треуголка с пышными перьями, туфли с огромными блестящими пряжками. Сбоку на расшитой перевязи болталась длинная шпага с украшенным блестящими камешками эфесом. Из-под головного убора небрежно выбивались белые кудри парика. Под носом Элема Симеонова красовались маленькие усики.

Певец должен был изображать русского государя Петра Великого, прибывшего со свитой в Амстердам, где в его честь дают бал. По смелому замыслу Ковтуна, русский царь должен был по своей привычке напиться и шокировать чопорных европейских аристократов своими выходками. Конечно, все это дело должно было сопровождаться песнями Симеонова.

— Ну как? — помахивая тросточкой, которая в его огромных ручищах смотрелась как карандаш, спросил Симеонов.

— Очень хорошо, — ответил Ковтун. — Просто великолепно.

— Я тоже так думаю, — самодовольно ответил Симеонов.

— Вы помните текст?

— Хм... Спрашиваете! Конечно, помню!

— Тогда давайте порепетируем.

Ковтун повернулся лицом к площадке и закричал:

— Массовка, по местам! Приготовиться! Где актеры?

Из-за декорации вышли двое актеров — король Нидерландов и его дочь — принцесса. Последняя пыталась спрятать горящую сигарету в кружевном рукаве своего платья. Заметив вопиющее нарушение, Ковтун нахмурился, и девушка быстро затушила сигарету о резную спинку стула. Режиссер с выражением безнадежности на лице махнул рукой...

— Так, — снова захлопал в ладоши Ковтун, — приготовиться. Элем, займите свое место. Вот здесь, возле короля. Да-да, между ним и принцессой.

Симеонов послушно подошел к монарху. Ассистентка вручила ему большой хрустальный бокал, сделанный, впрочем, из оргстекла.

— Приготовились... Начали! — сказал Ковтун. — Элем, ваша реплика!

Симеонов повернулся к королю и, улыбаясь, произнес:

— Ваше величество, у нас в России после первой не закусывают!

— Что вы говорите! — отвечивал голландский король, старательно имитируя акцент. — Дас ист фантастиш!

— И после второй — тоже! — сказал Симеонов и опрокинул бокал.
Король вытаращил глаза...

Ковтун уныло наблюдал за происходящим. Элем играл отвратительно, актер, изображавший голландского короля, в общем, тоже. Да и текст, который собственноручно был написан Ковтуном, даже ему самому казался просто тошнотворным.

— Придворные! — закричал Ковтун. — Давайте, давайте! Прохаживайтесь.

Придворные послушно начали прохаживаться взад-вперед.

«Ничего, — подумал Ковтун, слушая идиотский диалог монархов, — сойдет. „Пипл खा-вает“, как говорит один наш шоумен...»

— ...А после пятой у нас начинают петь! — заявил Петр Первый, бросая бокал на пол. Пластмассовый сосуд закатился под диван.

— Хорошо, — оценил Ковтун, решив не мучиться дальше, — это последняя реплика. Теперь песня. Порепетируем ваши передвижения.

Оператор расставил на полу специальные метки, которыми Симеонов должен был руководствоваться, передвигаясь по площадке, и кивнул Ковтуну. Режиссер махнул рукой звуковику, и тот врубил на полную мощность песню Симеонова.

Танцевать Симеонов любил. Он делал это самозабвенно и с удовольствием. Говорили даже, что в свое время перед ним стояла дилемма — стать певцом или танцором. И только большие деньги, маячившие на горизонте будущей звезды эстрады, решили дело.

Придворные продолжали прохаживаться по площадке, Симеонов танцевал и исправно открывал рот под свою песню. Мелодия была заводная, мелодичная, и Ковтуну даже понравилась.

«Нет, определенно неплохо. Этот номер будет центральным в программе. Эффектно снимем, смонтируем, все будет хорошо».

Перед мысленным взором Ковтуна уже встала замечательная сцена: он в безукоризненном смокинге под аплодисменты взбегает на сцену и получает приз за эту программу. А потом новые заказы, слава, деньги... Покупка машины и дачи. Отдых на Канарах. Приглашение в Голливуд...

Все это настолько живо и реально предстало в воображении режиссера, что он не слишком отдавал отчет в том, что в действительности происходило на площадке. А между тем там творились странные вещи...

Элем Симеонов выделял невообразимые па. Хлопья имитатора снега так и летели из-под каблуков его туфель. Анна Разина нервно курила, — видимо, молодой муж, при всех своих достоинствах, имел и негативные стороны: он напоминал ей об утраченной молодости, когда она сама почти вот так же скакала по сцене... Теперь же Разиной ничего не оставалось, как скрывать подтачивающую ее зависть. Охранники удобно устроились на ящиках из-под съемочной аппаратуры и равнодушно следили за происходящим. Казалось, они достигли nirваны и их уже ничто в этой жизни удивить не может. Все остальные были заняты. Ковтун, как уже говорилась, мечтал...

Внезапно один из придворных запустил руку под свой камзол. В этом жесте не было ничего удивительного, к тому же его почти никто не заметил: в этот момент придворного закрывала мощная фигура Симеонова.

Придворный вынул руку из-под камзола. В ладони оказался нож. Обычная финка с тонким лезвием.

Дальше события развивались настолько быстро, что никто из присутствующих даже не успел отреагировать. Разина только вытаращила глаза и протянула руки к мужу. На лицах медитирующих охранников отразилась вялая мыслительная работа. Массовка бросилась врассыпную...

Молодой, довольно тщедушный парень, изображавший придворного, кинулся с ножом к Элему Симеонову. Тот танцевал, повернувшись спиной к нападающему. Парень быстро подскочил к певцу, размахнулся и нанес Элему Симеонову сильный удар ножом в плечо. При этом он что-то выкрикнул, однако, по-видимому, никто, кроме Симеонова, не расслышал этих слов. От неожиданной боли Симеонов заорал так, что почти перекрычал собственную фонограмму. Парень, не теряя времени, нанес еще один удар и пустился наутек.

Истекающий кровью Симеонов упал. Темная лужа быстро растекалась по искусственному снегу.

Фонограмма продолжала орать голосом Симеонова, поэтому ни его крика, ни визга женщин разобрать было нельзя. Разина с широко раскрытыми глазами поднялась со стула и выронила сигарету. Синтетический снег тут же почернел и оплавился.

Ковтун очнулся и, повинувшись какому-то условному рефлексу, побежал за придворным. Охранники, которые наконец оценили ситуацию, сделали то же самое. Но почти одновременно споткнулись о толстые кабели осветительных приборов и шмякнулись мордами о рельсы на полу.

Ковтун выбежал из павильона и понесся по бесконечному останкинскому коридору.

— Сто-ой! — закричал режиссер вслед удаляющейся фигуре в старинном камзоле. Парень, конечно, и не думал останавливаться. Он по-прежнему сжимал в руке окровавленный нож и замахивался им на редких прохожих. Ковтун побежал за ним. Им двигала естественная ненависть к человеку, который вот так, в одну секунду, разрушил все розовые мечты и поставил под угрозу его, Ковтуна, славу, карьеру и благосостояние.

Парень свернул в один из боковых коридоров, и на некоторое время Ковтун потерял его из виду. Однако не зря режиссер работал здесь, в Останкинском телецентре, уже несколько лет. Он быстро сообразил, что если преступник не свернет в маленький коридор — откуда по лестнице можно попасть на другую, черную лестницу, — то окажется в тупике, где только одна дверь — в туалет. И вот там-то его и можно будет взять.

Сзади доносились крики переполошившейся телевизионной публики. Ковтун свернул в коридорчик и снова увидел спину преступника. К счастью, тот не заметил выхода на лестницу. Ковтун бросился за ним.

— Стой! — кричал он, но парень и не думал останавливаться. Ковтун видел, как он, оказавшись в тупике, ворвался в туалет и с грохотом захлопнул дверь...

В коридоре было тихо. Видно, никто из многочисленной останкинской охраны еще не успел сюда добежать. Ковтун подошел к двери туалета и решительно распахнул ее.

Здесь было пусто. Сначала Ковтун подумал, что преступнику удалось каким-то образом скрыться. Только вот каким? Потом из дальнего угла туалета донеслись звуки какой-то возни и приглушенный женский вскрик.

«Это женский туалет», — вспомнил Ковтун.

— А-а-а-а! — раздался хриплый полусшепот.

— Молчи, сучка! Прирежу! — расслышал Ковтун. Он неторопливо и осторожно подошел к крайней, прямо возле окна, туалетной кабинке. Взялся за ручку и решительно открыл дверь.

Парень в расшитом золотом камзоле держал свой нож точь-в-точь как в детективных фильмах — это Ковтун произвольно определил взглядом профессионала — прямо у горла своей жертвы, чуть вдавив лезвие в кожу на ее шее. И женщина лет тридцати, подвернувшаяся под руку преступнику, вела себя точно так же, как и бесчисленные жертвы в кино. Она сидела без движения, чуть приоткрыв рот, будто в беззвучном крике. В глазах ее застыл невыразимый ужас. Пожалуй, если бы Ковтуну когда-нибудь довелось снимать подобную сцену, он непременно точно так же построил бы мизансцену...

Женщина даже не успела натянуть джинсы, когда в кабинку ворвался преступник, поэтому ее растопыренные пальцы прикрывали бедра.

Несмотря на драматичность момента, Ковтун зорким режиссерским глазом заметил, что по драматургии эпизода здесь не хватает спасительной, доброй силы, которая должна вызвать жертву... И тут же вспомнил, что именно он, режиссер Савелий Ковтун, и является сейчас этой самой силой. Он, и никто другой...

— Опустит нож, — сказал он негромко и спокойно, именно так, как это делали в детективных фильмах положительные герои, даже совершенно безоружные.

Парень только покачал головой, насколько это позволил жесткий и высокий воротник бутафорского камзола. И еще сильнее вдавил лезвие в шею женщины. Ковтун подумал, что сейчас из-под острого лезвия должна начать стекать маленькая и тонкая струйка крови. Этого, впрочем, не произошло.

— У тебя нет шансов. Сейчас сюда придут, — проговорил Ковтун.

— Тогда я ее прикончу. — Голос преступника оказался низким и тоже спокойным.

— Зачем ты это сделал? — спросил Ковтун и тут же об этом пожалел. С парнем произошла мгновенная перемена. Он покраснел, напыжился и истерично заорал:

— За Анжелику! Я этого подонка прикончил за Анжелику! Сволочи, гады!

И абсолютно неожиданно для Ковтуна он чуть опустил нож и резанул по плечу жертвы. Кровь хлынула как из водопроводного крана, — видимо, лезвие ножа задело артерию. Женщина даже не успела вскрикнуть, с ужасом в глазах быстро обмякла. Руки безжизненно повисли.

Ковтун почувствовал, как его конечности коченеют. Он попытался крикнуть, но неожиданно обнаружил, что горло способно издать только жалкие звуки не громче шепота. «Нет, — машинально подумал он, — на роль положительного героя-спасителя кого попало не возьмешь. Тут нужен Брюс Уиллис...»

Преступник широко раскрытыми глазами смотрел на кровь, заливающую длинные полы его камзола, белые панталоны и туфли с пряжками. В конце концов он толчком отбросил от себя тело женщины, которая, очевидно, находилась в глубоком обмороке. И поднял глаза на Ковтуна, который продолжал стоять, не в силах сдвинуться с места.

— За Анжелику, — прошептал убийца и легко воткнул нож в живот Ковтуну. Тот с изумлением уставился на рукоятку, торчащую из его тела, затем перед глазами режиссера все потемнело и он упал навзничь.

Из коридора уже доносились крики и топот. Убийца быстро вышел из кабинки, разбил окно и, не оборачиваясь, сиганул вниз.

Глава 2

— Савелий Яковлевич, вы меня слышите? Я хочу вам задать еще несколько вопросов.

Невысокий, лысоватый человек, несмотря на жару одетый в темный, кажется, даже шерстяной костюм, без приглашения пододвинул стул и сел рядом с кроватью Ковтуна. Вынул из портфеля папку, раскрыл ее на коленях.

Режиссер вздохнул и тут же поморщился от боли: рана в животе была еще далека от полного заживления.

— Ну я же вам уже все рассказал... Больше я ничего не знаю.

Следователь мучил Ковтуна уже второй раз за неделю — с тех пор как спустя сутки после происшествия в Останкинском телецентре он очутился в этой палате, переведенный из реанимационного отделения больницы Склифосовского. И это не считая допроса, который учинила его помощница. Когда это было? Вчера? Позавчера?

К счастью, нож прошел в стороне от жизненно важных органов, вовремя подоспела «скорая», так что опытные реаниматологи Склифа сумели спасти жизнь Савелию Ковтуну. Теперь он лежал на кровати в тесной больничной палате, у дверей которой круглые сутки дежурила охрана, и в тысячный раз пережевывал невеселые мысли. Неожиданный удар ножом перечеркнул все его планы. На новогодней программе можно поставить крест — это раз. Кто знает, может, и на собственной карьере — это два. В этой дурацкой больнице ему еще валяться недели полторы, не меньше, — это три. Да еще следователь пристаёт почти каждый день как банный лист... Да, зря ты погнался за преступником, Савва. Забыл, как тебя родители учили — каждый должен заниматься своим делом. Ты режиссер — так снимай. И нечего за бандитами бегать...

— Да, Савелий Яковлевич, но все же. Поверьте, это очень важно. Вы главный свидетель преступления. Давайте еще раз постараемся вспомнить обстоятельства, при которых произошло нападение на Элема Симеонова...

Отличающийся завидным здоровьем, Симеонов отделался относительно легко — об этом Ковтун уже знал из телевизионных репортажей. Нож только рассек мягкие ткани плеча знаменитого певца и даже не задел кость. Чего не скажешь о той несчастной женщине в туалете: как ему сказали врачи, из-за сильного повреждения артерии и большой кровопотери она два дня находилась в коме и теперь постепенно и трудно приходила в себя... Ковтун содрогнулся, эта страшная сцена, хлынувшая из ее плеча кровь, до сих пор стояла у него перед глазами. Инстинктивно режиссер прикрыл глаза ладонью.

— А чего вспоминать? — сухо ответил он. — Шли съемки, все как обычно. Потом вышел из массовки парень, вынул нож и полоснул Симеонова. Два раза. Потом побежал из павильона... Ну я за ним...

— Это я знаю... — перебил его следователь. — Это вы уже рассказывали. Скажите, а приметы какие-то у него были? Ну там родинка, шрам? Может, лицо какое-то запоминающееся?

Ковтун покачал головой:

— Да нет... Самое обыкновенное лицо. И потом, понимаете, их гримируют перед съемкой. Пудрят, подводят глаза, накладывают румяна. Кроме того, на нем был парик.

— А может быть, там, в туалете, когда вы находились рядом с преступником, что-нибудь особенное заметили?

Ковтун отрицательно покачал головой.

— В туалете, я имею в виду, — не отставал следователь. — Может, парик упал? Может, одежда распахнулась и вы что-нибудь под ней увидели?

— Нет. У нас делают специальные парики, чтобы они не падали. Они прикрепляются к волосам шпильками.

— А руки? Может быть, шрам или перстень? Кольцо? Или татуировка? А? Вспомните, пожалуйста.

Ковтун ненадолго задумался, нахмурил лоб. Потом снова отрицательно покачал головой.

— Нет, руки как руки. Совершенно обычные. Ни татуировок, ни колец я не заметил. Потом, они же все в крови были...

Следователь огорченно засопел:

— Ну а глаза? Нос? Рот? Может, усы были?

— Нет, не было усов. И бороды не было. Глаза темные, кажется. Нос... обычный нос, как у вас... Лицо... тоже вроде обычное... Да понимаете вы, мне было не до разглядывания его лица! Он при мне хотел перерезать горло женщине!

Последние слова Ковтун почти прокричал. Внутри живота, там, где еще не зажила рана от ножа, противно заныло. Услышав его голос, в палату вошла дежурная медсестра.

— Предупреждаю еще раз, — строго обратилась она к следователю, — больному нужен покой. Прошу его не нервировать — это может сказаться на его состоянии. У вас еще пять минут.

— Хорошо, — сказал следователь, когда она закрыла дверь. — Ну а рост? Высокий, маленький? А комплекция? Крупный он или мелкий?

— Среднего роста. Обычный, — сказал Ковтун и отвернулся к стене...

Следователь по особо важным делам Генпрокуратуры Валерий Бородулин уже целую неделю бился над этим делом. Постепенно были допрошены все очевидцы события, но ситуация не прояснилась. За это время Бородулину в голову не пришла ни одна сколько-нибудь ценная мысль, где и как искать преступника.

С одной стороны, свидетелей происшествия было хоть отбавляй: вся съемочная группа наблюдала, как на Симеонова было совершено покушение. Но ни один не мог вспомнить примет преступника — все этот дурацкий грим. Вчера Бородулин целый день разъезжал по Москве, навещая участников массовой, которых набрали в общем-то из случайных людей — чьих-то знакомых, родственников. Никто не был знаком с преступником. Ковтун его тоже не помнил, что и понятно: не до того ему было. Приметы, которые запомнили окружающие, были самые общие — средний рост, среднее телосложение, обычные черты лица. Кто-то запомнил, что внешняя сторона кистей рук у преступника была покрыта темными волосами. Вот, собственно, и все. Оставалась последняя надежда — гримеры на киностудии. Уж они-то должны были видеть его без грима.

Конечно, перво-наперво Бородулин попытался выяснить, знал ли хоть кто-нибудь на съемочной площадке преступника. Из того, что следователю удалось разузнать, вырисовывалась странная картина. Все, кто в тот злополучный день участвовал в массовой, расписались в ведомости и получили свой гонорар. К тому же Бородулину за эти дни удалось разыскать и переговорить со всеми, кто был занят в массовой. Следовательно, тот, кто напал на Симеонова и чуть не убил Ковтуна, был лишним, неизвестно как оказавшимся на съемочной площадке. Он не значился ни в ведомости, ни в списках, ни в книге учета бюро пропусков. Как он без пропуска пробрался в Останкинский телецентр, все входы которого тщательно охранялись, почему никто не заметил присутствия лишнего человека, в конце концов каким образом ему удалось получить костюм, парик и все остальное? Пока что следователь не мог найти ответов на эти вопросы.

Разумеется, преступник не оставил нигде следов своих пальцевых отпечатков. Да и где он мог это сделать? Разве что на бачке в туалете? Но там все было залито кровью — эксперты не нашли свободного места, которое можно было бы посыпать дактилоскопическим порошком. Свое оружие, нож, преступник захватил с собой. Порезал женщину, вышел из кабинки, ранил Ковтуна, разбил окно и выпрыгнул. Туалет находился на втором этаже, так что высота оказа-

лась не слишком большой. Что самое обидное, практически никто не видел его после этого. Окно располагалось в торцевой части здания, где всегда малолюдно. Только одна женщина, которая с ребенком прогуливалась рядом с Останкинским прудом, заметила издали странного человека в расшитом золотом камзоле и белом парике, выпрыгивающего из окна. Приземлившись, он забежал за угол. Больше его никто не видел...

Бородулин тщательнейшим образом осмотрел это место. Действительно, оказаться здесь можно только случайно — маленький тупичок, образованный углом здания и глухой стеной. Здесь раньше был еще один подъезд для технических целей, но дверь давно заколотили, и уже лет десять ею никто не пользовался. Прямо под окном, из которого выпрыгнул преступник, удалось обнаружить следы крови, которая осталась на его обуви. Их удалось проследить на несколько метров, но потом они внезапно исчезли. Было такое впечатление, что преступник снял обувь. Разумеется, он переоделся, нельзя же по Москве ходить в костюме семнадцатого века... Значит, у него была запасная одежда...

Куда делся преступник, после того как забежал в тупичок, неизвестно. Бородулин вместе с оперативниками осмотрел каждый сантиметр округи. Результат был ничтожен: одна пуговица от камзола (ее опознали костюмеры) и золотая нить того же происхождения.

Негусто, прямо скажем... Единственный вывод, который сделал Бородулин, это то, что преступление тщательно готовилось заранее. Очевидно, он спрятал одежду здесь, в этом тупичке. Потом переоделся в костюм придворного (как только он его раздобыл?) и проник в здание через окно, которое находилось на первом этаже и вело в мужской туалет. Затем тем же макаром он хотел выбраться наружу, но режиссер Савелий Ковтун помешал. Преступник, видимо, решил не терять времени на то, чтобы спуститься на первый этаж, и ворвался в женский туалет. А там под руку подвернулась женщина. Преступник не мог допустить, чтобы следователи видели, как именно он скроется, поэтому постарался их обезвредить — порезал женщине плечо и пырнул ножом Ковтуна. Кстати, он мог свободно и убить женщину. Как и Симеонова. Но нож и ей и Симеонову воткнул в плечо. Значит, убийство этих людей не входило в его планы.

У него было не больше полутора минут... Однако он успел за это время переодеться и скрыться. Как? Бородулин ломал над этим голову. И не мог найти ответ... Ну не испарился же он?

Бородулин шел по длинному коридору телецентра и думал, что это дело принесет ему немало хлопот... А вот как раз хлопот следователю и не хотелось. По нескольким причинам — дочь в этом году закончила школу и поступала в институт, квартира настоятельно требовала ремонта, к тому же этим летом он намеревался успеть выбраться с женой куда-нибудь к морю. Ну и еще разные дела по мелочи... Короче говоря, Бородулин не собирался долго возиться с этим делом, которое досталось ему по указанию заместителя генерального прокурора Константина Дмитриевича Меркулова. Ко всему прочему, Бородулин раньше специализировался по расследованию экономических преступлений и чувствовал, что дело это ему поручили просто по причине нехватки кадров: почти все «важняки» были в летних отпусках, а доверить обычному следователю его не могли — все-таки пострадала важная персона. А вдруг здесь не просто хулиганская выходка какого-нибудь фаната, а что-то посерьезнее?

— Ты не переживай, Бородулин, — сказал Меркулов, поручая ему это дело. — Мы тебе поможем. Бригаду создадим... Помощника прикреплю. Если что, обращай непосредственно ко мне.

Ну и, конечно, Бородулин отказаться не мог. Меркулов свое слово сдержал и дал Бородулину помощницу — следователя-стажера Лену Бирюкову. Впрочем, толку от нее пока было немного. Единственный допрос, который она провела, не принес ничего нового.

Гримерные находились неподалеку от съемочных павильонов. Следователь вынул из кармана блокнот и сверил номер комнаты.

— Войдите, — слышалось из-за белой крашеной двери в ответ на его стук.

Бородулин вошел в просторную комнату, больше похожую на парикмахерскую. Такие же кресла с подголовниками, большие зеркала, несколько доисторических больших фенов в углу. Два кресла были заняты — над сидящими в них (в одном Бородулин признал известного киноактера) орудовали гримерши в белых халатах. Еще две сидели в углу и пили чай.

— Вам кого? — строго поинтересовались у Бородулина.

— Мне нужна Галина Скоробогатова.

— Это я, — отозвалась одна из женщин, пьющих чай, — а вы кто?

Бородулин подошел поближе и, не обращая внимания на любопытный взгляд ее подруги, сказал:

— Я из Генеральной прокуратуры. Валерий Бородулин, следователь по особо важным делам.

Он вынул из кармана удостоверение и предъявил его гримерше.

— А-а, — чуть изменилась в лице та, — это по поводу...

Она запнулась.

— Да, по поводу нападения на Симеонова. Я бы хотел задать вам несколько вопросов.

Она пожала плечами:

— А что я могу сказать? Я ничего не знаю. В момент нападения была далеко, а потом...

Бородулин кивнул:

— Да, конечно. Но все же можно с вами поговорить? Наедине желательно.

— Конечно.

Они вышли в коридор, подошли к окну. Скоробогатова достала из кармана халата сигарету и закурила.

— Я вас слушаю.

— Скажите, Галина...

— Можно без отчества.

Бородулин кивнул.

— Вы сами гримировали массовку?

— Да. Обычно я подключаю свою ассистентку, но тут была очень ответственная съемка. Так что я решила сделать все сама. Знаете, чтобы потом не переделывать. Тем более ассистентка у меня новенькая, только учится...

— А много времени уходило на каждого?

— Да нет... Минут по пять. На женщин, конечно, больше. Грим несложный, парики заранее приготовили...

— Значит, на двадцать человек в массовке вы потратили в общей сложности...

— Ну примерно часа два с половиной — три.

— А вы знали предварительно количество людей, которых предстоит загримировать?

— Да.

— И считали их?

Скоробогатова задумалась:

— Нет, не считала. Они стояли в очереди в коридоре.

— Сначала шли женщины или мужчины?

Она покачала головой:

— Вперемешку.

— Значит, вы могли и не заметить, если бы зашел лишний?

— Да, пожалуй, могла... За этим обычно следят ассистенты.

— И в этот раз было так же?

— Да.

Бородулин вздохнул. Ему уже удалось выяснить, что ни один из ассистентов не заметил лишнего человека, оказавшегося на площадке.

— А ваша ассистентка за этим не следит?

— Нет. Ее и не было в тот день на работе.

— Почему?

— Она отпросилась, что-то у нее дома произошло. Ну я и отпустила, все равно от нее толку мало.

— Странно. Вам предстояла большая работа, а вы отпустили ассистентку.

— Я же сказала, она отпросилась. И потом, я справлялась и не с такой работой. А Света бы просто болталась под ногами и всем мешала. Она еще неопытная.

— И все-таки, Галина, постарайтесь вспомнить, гримировали вы того, кто совершил нападение, или нет?

Она подумала с минуту, затем уверенно покачала головой:

— Нет. Не могу вспомнить. Знаете, это профессиональное качество — когда я работаю, то вижу перед собой то лицо, которое должно получиться. А если обращаю внимание, то только на детали лица по отдельности. На нос, рот, брови. А тут стояла простая задача: подвести глаза, припудрить щеки, подкрасить губы. Так что я не могла запомнить кого-то одного...

Бородулин вышел из Останкина около четырех. На пять у него была назначена встреча с Элемом Симеоновым, который сразу после больницы Склифосовского отправился домой зализывать раны. Когда Бородулин разговаривал с ним спустя несколько часов после происшествия, ему показалось, что певец даже рад случившемуся. Еще бы, повреждения минимальные, зато реклама... Вчера и сегодня газеты вышли с огромными заголовками. Кто-то даже узрел здесь «чеченский след» — поспешил обвинить в нападении на Симеонова террористов Басаева. А в других статьях прозрачно намекалось на некие интимные отношения Симеонова с преступником, несчастную любовь с голубым оттенком, из-за которой певец и пострадал... Так что Симеонов из этого случая извлек только пользу.

Следователь сел в свой «Москвич», с трудом выбрался с обширной стоянки перед Останкинским телецентром и взял курс на легендарную квартиру Анны Разиной, которая, по слухам, своими размерами превосходила даже знаменитую квартиру Брежнева. Надо было поторопиться: Симеонов собирался ехать за город, на дачу, и Бородулин должен был успеть допросить его, пока он был в Москве.

Подъезд, где жили Разина с Симеоновым, Бородулин узнал сразу. Перед ним стоял длинный лимузин темно-вишневого цвета, на передней дверце которого было изображение самого Симеонова. Рядом с портретом помещался размашистый автограф певца.

У подъезда находилась небольшая будка, в которой дежурил милиционер. А во дворе на лавочках сидела группа девочек лет пятнадцати, которые все были одеты в футболки с изображением Симеонова. Судя по сумасшедшему блеску в глазах, это были поклонницы певца. Одна из них держала в руках небольшой плакатик «Я люблю Элема».

Войдя в подъезд, Бородулин изумился. Пожалуй, ему еще не приходилось видеть такой нечеловеческой чистоты. Белые стены, без всякого «Спартака — чемпиона» и «prodigy», на полу ковровые дорожки, растения в кадках, кондиционированный воздух, мягкие кресла и даже телевизор в холле! Видно, таким образом проявлялась забота о посетителях: если хозяев не оказалось дома, можно было приятно провести время.

Дверь Бородулину открыла миловидная девушка с большими печальными глазами, одетая в классический костюм служанки — темное платье, кружевной фартук. Она, ни слова не говоря, провела следователя по длинным и бесконечным («Почти как в Останкине», — подумал Бородулин) коридорам, пока они не попали в большую спальню. На обширной кровати под красным бархатным балдахином возлежал Симеонов, облаченный в белый шелковый халат,

расшитый яркими цветами. Его забинтованная рука покоилась на груди. Увидев следователя, он попытался придать лицу страдальческое выражение, что, впрочем, удалось не вполне.

— Здравствуйте! Проходите, — сказал он надрывно, указывая здоровой рукой на мягкое кресло рядом с кроватью.

Бородулин поздоровался и сел. Интерьер спальни вызывал в памяти воспоминания об антикварном магазине. У следователя в глазах зарябило от обилия золота, мебели с гнутыми резными ножками, ярких атласных драпировок и пестрых ковров. На стенах висели картины, изображавшие пасторальные сцены, на одной из них Бородулин узнал самого Симеонова в качестве пастушка и Разину в костюме пейзажки.

— Сафонов, — гордо произнес Симеонов, проследив направление взгляда следователя.

— Что? — не понял Бородулин.

— Александрос Сафонов. Художник знаменитый. Это подарок нам ко дню свадьбы. Правда хорошо?

Бородулин неуверенно кивнул:

— Неплохо. Очень похоже.

— Мастер, — со значением произнес Симеонов.

Бородулин отвел глаза от картины, сделал серьезное лицо и по-деловому спросил:

— Как ваша рука?

Симеонов страдальчески поднял брови и потрогал плечо:

— Болит... Но врачи обещают, что скоро заживет.

— Будем надеяться... Я хотел задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно...

— Итак, Элем...

— Можно просто по имени.

— Хорошо. Элем, вы запомнили лицо нападающего?

Симеонов задумался и после некоторого колебания отрицательно покачал головой:

— Нет. Понимаете, в этот момент прямо мне в лицо светил софит. Так что разглядеть лицо не было никакой возможности.

— Жаль... Это бы упростило нашу задачу. Значит, вы не сможете его опознать?

— Пожалуй, нет. Хотя... Возможно, если вы его поймаете... Ну или хотя бы покажете фотографию...

Бородулин развел руками:

— К сожалению, фотографией мы пока не располагаем. Но чтобы его поймать, нужно знать, как он выглядит. А узнать, как он выглядит, можно только поймав... Замкнутый круг получается... Никто из множества присутствующих на площадке не запомнил его лица. И даже режиссер, который видел его ближе всех.

— Да, — сочувственно покачал головой Симеонов, — я вас очень хорошо понимаю. Задача, конечно, не из легких. Но и вы меня должны понять. Даже если бы он оказался в поле моего зрения, ежедневно мне приходится встречаться с таким огромным количеством людей, что выделить кого-то просто нереально. К тому же видел я его только мельком. Он ведь напал из-за спины. А потом, после удара, мне было не до него...

Бородулин вздохнул и подумал, что все, не сговариваясь, повторяют один и тот же текст.

— Ну ладно. Скажите, Элем, а у вас есть какие-то предположения, кто мог покушаться на вас и почему? Может быть, у вас есть враги?

— Не знаю... Понимаете, у нас, артистов, такое количество врагов и завистников... — Он огляделся, почмокал губами и спросил: — Не хотите ли выпить?

— Можно. Что-нибудь безалкогольное.

— Ну а я, с вашего позволения...

Симеонов нажал кнопку изящного звонка на столике. Тотчас в комнату вошла служанка.

— Даша, будь добра, сделай мне мартини. И для гостя...

Он вопросительно посмотрел на Бородулина.

— Минеральной. Похолоднее.

Служанка исчезла и через минуту появилась снова с напитками.

— Да, — продолжил Симеонов, — о чем я говорил?

— О личных врагах, — напомнил Бородулин.

— Да... Очень много врагов. И среди коллег, и среди простой публики. Это неизбежно при нашей профессии. И причем чем больше популярность, тем больше врагов. Соответственно вы можете прикинуть, какое огромное количество врагов у меня...

Бородулин внутренне усмехнулся этому тонкому намеку певца на собственную известность, но вслух ничего не сказал.

— Может быть, в последнее время появились новые? Или, скажем, вы получили какое-то сообщение?

— Если бы вы знали, — махнул рукой Симеонов, — какие иногда письма приходят нам...

Мне еще ничего. А вот Ане, моей жене... Это просто кошмар какой-то.

— Бывают угрозы? — поинтересовался Бородулин.

— Все что угодно. И угрозы, и грязные предложения, и просто ругань. Что хотите бывает. Конечно, чаще всего благодарности за искусство...

Симеонов скромно потупил взор.

— Очевидно, вы не читаете все письма?

Симеонов печально улыбнулся:

— Нет, конечно. Иначе мне придется забросить все остальные дела. В день приходит до двухсот писем.

— А кто их читает?

— Никто, — пожал плечами Симеонов, — мы их просто выбрасываем.

— Интересно... А как же вы отделяете нужную почту?

— Очень просто. Вся важная почта приходит на другой адрес. Раньше мы держали специального человека, который читал письма. Но потом отказались, так как все равно ничего интересного в этих письмах не было. Обычные восторги, много признаний в любви. И масса грязи.

— И как часто вы выбрасываете письма?

— Не знаю. Я этим уже давно не интересуюсь. Да это все ерунда, поверьте.

Он театральным жестом взмахнул рукой.

— Тот, кто на вас напал, мог предварительно прислать письмо с угрозами. Если мы его найдем, то может обнаружиться след. Понимаете, как это важно?

Симеонов нахмурился и кивнул:

— Да, я сразу об этом и не подумал. Действительно, наш адрес найти не проблема... И если какой-нибудь маньяк... Да, это могло быть. Нужно спросить у Даши.

Он снова позвонил, а когда служанка появилась на пороге, сказал:

— Даша, когда последний раз выбрасывали письма?

— Дней десять назад.

— С тех пор что-то накопилось?

Она кивнула.

— Принеси-ка их сюда.

— Я их заберу с собой, — сказал Бородулин, когда она скрылась за дверью, — с вашего разрешения конечно. И с ними поработают эксперты-криминалисты, если я отберу что-то интересное.

— Конечно.

Вскоре служанка появилась вновь, волоча за собой по полу два огромных мешка из крафт-бумаги, плотно набитых и, судя по всему, очень тяжелых.

— Спасибо, — со вздохом поблагодарил Бородулин, прикидывая, сколько дней придется потратить ему, чтобы просто прочитать все эти письма. «Ничего, — подумал Бородулин, — вот моя новая помощница без дела слоняется, вот ее и посажу за письма. Пусть читает».

— Да, придется вам повозиться, — усмехнулся Симеонов, кивая на мешки.

— Ничего, справимся. А теперь, Элем, давайте еще раз вспомним, что произошло на площадке.

— Я же уже рассказывал... Ничего особенного. Все произошло так быстро и неожиданно, что я совершенно ничего не успел запомнить. Понимаете, я когда танцую и пою, весь мир перестает существовать. Только музыка и танец остаются.

Симеонов закатил глаза и сделал здоровой рукой несколько изящных жестов в воздухе.

— Значит, вы не обращали внимания на массовку?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, конечно. У них свои задачи, у меня свои. Мы никак не пересекались — я двигался по собственным меткам.

— И что вы почувствовали?

— Удар. А потом резкую боль в плече. Я сначала и не понял, что это, думал, наткнулся на декорацию. Повернулся и увидел человека с ножом в руке. Потом он ударил еще раз. Хлынула кровь, у меня помутилось в глазах. Он выдернул нож, это я хорошо запомнил... А потом побежал, началась суматоха... Меня подхватили охранники и понесли в грим-уборную. Вот и все.

— Может быть, вы обратили внимание на его руки?

— Нет, мне было не до того.

Бородулин вздохнул:

— Ну что ж. Негусто. Последний вопрос. Некоторые люди, присутствующие на площадке, заметили, что преступник что-то выкрикивал. Вы не обратили внимание?

Симеонов задумался:

— Очень громко звучала фонограмма... Хотя... — добавил он после небольшой паузы, — да, он кричал... Что-то непонятное...

Певец отхлебнул из стакана, почесал затылок. Наконец его лицо прояснилось.

— Знаете, я, кажется, вспомнил. Он кричал: «За Анжелику». Точно. Так он и кричал...

Бородулин оживился. Кажется, наконец показался след. Да еще какой!

— Анжелика? Кто это? Вы ее знаете?

Симеонов усмехнулся:

— Сразу видно, что вы далеки от шоу-бизнеса. Кто же не знает Анжелику? Ее знают все...

Бородулин записал показания Элема Симеонова — вся информация уместилась на одной странице протокола допроса потерпевшего.

Через десять минут Бородулин вышел из подъезда. Мешки с письмами он брать не стал. Того, что сообщил Симеонов, было достаточно, и при удачном стечении обстоятельств можно выйти на след преступника. У Бородулина даже засосало под ложечкой от предчувствия близкой удачи.

Группа поклонниц не уменьшилась. Девушки с любопытством и завистью смотрели на Бородулина, который вышел из подъезда, где жил их кумир. Ни одной из них не светило попасть внутрь дома. Максимум, на что они могли рассчитывать, — это немое обожание издалека, да еще, может быть, автограф на лету, после концерта.

Бородулин сел в свою машину, повернул ключ зажигания. В этот момент зазвонил мобильник.

В трубке раздался голос Меркулова:

— Бородулин?

— Я, Константин Дмитриевич.

— У меня к тебе дело.

— Срочное?

— Очень...

Глава 3

Лето — худшее время для адвоката. Это я вам ответственно заявляю. Все нормальные люди разъехались из душной и пыльной Москвы и отдыхают у моря, в горах, на худой конец в подмосковных лесных пансионатах. Политическая жизнь утихает. Цены не растут. Доллар стабилен, как и рубль. Никто ни с кем не судится, потому что некому. А тем, кто остался, неохота. Конечно, кому захочется в такое время сидеть в тесных и неудобных залах суда, выслушивая монотонные показания свидетелей, речи прокурора и адвоката... Есть множество куда более приятных занятий.

Но не для меня. Кстати, позвольте представиться, Гордеев Юрий Петрович, адвокат. У многих моя профессия вызывает уважение, а также порождает разные небылицы вроде огромных гонораров, просторных офисов, шикарной жизни и так далее. Хочу разочаровать: ничего подобного. Вот я, например, этим страшно жарким летом вынужден сидеть в Москве безвылазно. Причем в обшарпанном и пыльном кабинете. А все почему? Потому что неделю назад меня вызвал заведующий моей юрконсультацией номер десять, Генрих Розанов. Когда я явился, он любезно улыбнулся, предложил сесть и даже осведомился, не хочу ли я чаю. Я отказался, при этом подумав, что, если старик ведет себя так любезно, что-то тут не так... И оказался прав.

— Юра, ведь ты не женат? — полувопросительно-полуутвердительно произнес Розанов.

— К счастью, нет, — ответил я.

— Очень хорошо, — с иезуитской улыбочкой кивнул Розанов, — значит, пойдешь в отпуск зимой.

Вот такой удар от начальства! А что делать? Выслушивать объяснения Розанова и разные статистические данные типа количества детей у сотрудников нашей юрконсультации я не хотел. Поэтому стойко принял известие о том, что это лето снова придется провести в Москве, и жаловаться не стал. Вернулся в свой кабинет и приступил к прямым обязанностям — отвечать на вопросы населения, не сведущего в юридических тонкостях. Все равно последнее время практически никакой другой работы у меня нет...

А нет работы — нет и денег. Адвоката кормят клиенты. Он без них почти как слепой новорожденный котенок без мамы-кошки. Обречен на медленное умирание... Ну это я, конечно, шучу. Работа в юрконсультации приносит маленький ручеек денег, которого, конечно, недостаточно на разные излишества типа постоянно полного бака у машины, однако позволяет сохранить душу в теле до того долгожданного момента, когда наконец найдется новый клиент, который позволит решить все денежные проблемы. А клиенты, особенно те, кто способен платить за услуги адвоката, в наше беспокойное время попадаются нечасто. И конкуренция среди адвокатов тоже очень большая. Я, конечно, не говорю о самых известных: Резнике, Падве и так далее, — я для них вообще не конкурент. Но среди адвокатов средней руки, к которым отношу себя и я, полно народу, готового отобрать у тебя выгодного клиента. Вот так и живем.

Проконсультировав в общей сложности примерно полтора десятка граждан и честно выполнив тем самым свои рабочие обязанности, я поехал домой. Собственно говоря, это громко сказано — домой. С тех пор как моя квартира была разрушена в результате известного взрыва¹, я мыкаюсь по съемным квартирам. Хотя, надо сказать, с последним пристанищем мне повезло. Случайно подвернулась квартира в самом центре, на одной из московских набережных. И причем совсем недорого, во всяком случае мои адвокатские доходы позволяли ее

¹ См. роман Ф. Незнанского «Абонент недоступен» (М., 2000).

снять почти без проблем. Теперь, встав утром, я мог наслаждаться прекрасным видом из окна — Москва-река, золотые купола, пара высоток в туманной дымке, кусочек Кремля. Благодать!

Итак, я подъехал к подъезду своего замечательного дома и сразу заметил ее. Нет, не подумайте ничего такого. Ее — это всего-навсего машину. Но машина эта была очень знакомой. У меня даже екнуло сердце. Черный «джип-рэнглер». Если вы в курсе, с этой машиной, а точнее, с ее хозяйкой, Леной Бирюковой, у меня в свое время было много чего связано...² Хотя мало ли черных джипов в Москве... Но нет, когда я вышел из своей машины и подошел к джипу, всякие сомнения отпали. Я бы узнал этот джип среди сотни. Значит, ко мне пожаловала Лена?

Впрочем, не будем торопить события. Гордеев, где твоя рассудительность следователя, хоть и бывшего? Машина Лены Бирюковой здесь — это факт. Хозяйки нет. Следовательно, она скоро появится.

Я вошел в подъезд, вызвал лифт, поднялся на свой этаж. У лестничного окна стояла женщина. Конечно, будучи подготовленным, я сразу определил, что меня ждет именно Лена Бирюкова. Она, надо сказать, довольно изменилась, с тех пор как Меркулов взял ее на работу к себе, в Генпрокуратуру. Лена повзрослела, стала более серьезной. Это уже не была та провинциальная девчонка, волею случая оказавшаяся в водовороте криминальных событий. Строгий деловой костюм, очки в тонкой золотистой оправе, скромные украшения. Изящные, но строгие туфельки. Почти бизнес-вумен. Пожалуй, если бы я случайно повстречался с ней на улице, может, и не узнал бы, хотя было время, когда меня связывали с Леной не только деловые отношения... Но это все в прошлом.

И все же это была именно она, Лена Бирюкова. Она подошла и сняла очки. Уж глаз-то ее я никогда не забуду!

— Привет, Юра.

— Привет... Отлично выглядишь!

Лена сдержанно и церемонно наклонила голову в знак благодарности. Интересно, где это она научилась? Впрочем, Лена всегда отличалась своими талантами...

— Спасибо. Ты тоже... — Она умолкла, внимательно оглядывая меня, видимо, с целью найти какую-то деталь в моем облике, которая помогла бы ей достойно ответить на комплимент. Однако осмотр, по всей видимости, оказался безрезультатным. Ваш покорный слуга выглядел, мягко говоря, не слишком. Усталые глаза, осунувшееся лицо, кожа без малейшего признака загара. Что поделаешь — специфика работы, которая постепенно превращает нормального человека в кабинетную крысу. Если бы не некоторые встряски время от времени, я бы вообще загнулся.

— ...Работы много? — так и не закончив свою фразу, поинтересовалась Лена.

— А что, заметно?

— Ну... в общем, да. Выглядишь не ахти.

— Спасибо... Действительно, работа есть, но все как-то по мелочам.

— Клиентов нет? — сочувствующе спросила Лена.

— Нет... Да еще Розанов не отпускает отдохнуть. Холостой, говорит. Значит, зимой отдыхать будешь.

— Ну сам виноват, — ехидно заметила Лена, — женись, вот и будешь летом в отпуск ездить.

Я промолчал. Мои взгляды на женитьбу давно были знакомы Лене. Более того, именно они в свое время послужили причиной нашего разрыва.

— Может, пригласишь меня все-таки. Или у тебя там... — Она сделала выразительный жест рукой — нечто волнообразное, что, очевидно, должно было символизировать женщину.

² См. романы Ф. Незнанского «Гейша» (М., 1999), «Осужден и забыт» (М., 2000).

— Эх, Лена, мне не до этого. Работа, телевизор — вот все мои развлечения, — неискренне вздохнул я.

Лена погрозила тонким пальчиком с колечком, на котором сверкал довольно крупный бриллиант:

— Не надо, Юра. Уж меня-то тебе не обмануть. Ну что, приглашаешь? Хотя я и без звонка...

Я отпер дверь, и мы вошли в мою замечательную квартирку. Замечательной я ее считал по той простой причине, что все в ней было строго функционально. Кухня — для приготовления еды. Балкон — для того чтобы дышать воздухом. Большая тахта — чтобы спать, читать книги, размышлять. Компьютер — чтобы работать. Телевизор — чтобы смотреть новости. Кресла — чтобы сидеть. И никаких излишеств. Никакой бесполезной мебели, никаких ковровиков с кошками и кружевных салфеточек.

— М-да, — покачала головой Лена, осмотрев мое жилище, — обстановочка спартанская. Здоровый минимализм в действии.

Конечно, от ее пронизывающего взгляда не скрылись ни щетка для волос с чьими-то застрявшими длинными светлыми волосами, ни забытая заколка у зеркала, ни нарядные женские тапочки с меховыми шариками. Знаете, все недосуг убрать...

— Я вижу, ты все-таки не монашествуешь, — улыбнулась Лена.

— А ты что, с инспекцией пожаловала? — парировал я.

— Да нет, уволь. Я к тебе по делу.

— Ну вот, как только явится симпатичная женщина, так только по делу, — пошутил я.

— А ты пригласи, просто так приду в гости. Без всякого дела, — ответила Лена и взглянула на меня так, что по коже прошел морозец. И даже в глубинах мозга промелькнула предательская мысль: а не совершил ли ты, Гордеев, ошибки, когда в свое время расстался с этой замечательной женщиной. Впрочем, я быстро справился с этой минутной слабостью.

— Договорились, — беспечно сказал я, — обязательно как-нибудь приглашу. Что будешь пить? Чай, кофе... Или...

— Или, — категорично заявила Лена, — что-нибудь очень холодное и слабоалкогольное.

— Я знаю, чем тебя порадовать. Помню.

— Хорошая у тебя память... — заметила Лена.

— Это профессиональное свойство адвоката, — закончил ее фразу я.

Мы устроились в креслах у окна с замечательным видом, о котором я уже говорил. Закат окрасил небо в красно-оранжевый цвет. Пушистые облака неторопливо продолжали свое нескончаемое движение по небесному своду, отражаясь в водах Москвы-реки, которые отсюда, сверху, казались чистыми... Лена неторопливо цедила виски с содовой, что, как я знал, было ее любимым напитком.

— Ну как работа под началом Меркулова?

— Нормально. Вот взяли в штат.

— О-о! Растешь!

— А ты думал... Ну ладно, Гордеев. Хватит лирики. К делу.

Я поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать.

— Ты знаешь, кто такая Анжелика?

Я напряг память, но ничего стоящего оттуда не выудил.

— Кино такое было. «Анжелика — маркиза ангелов». Ты ее имеешь в виду?

Лена отрицательно покачала головой.

— Нет, милый. Я имею в виду певицу Анжелику.

— Тут я пас. Знаешь, с популярной, а тем более попсовой музыкой я не в ладах.

— Ну она не такая уж и попсовая. Хотя и чисто молодежная. Но это неважно.

— А что же важно?

— То, — назидательно сказала Лена, — что ты, Гордеев, совсем от жизни отстал. Закопался в своих бумагах. Покрылся пылью в этой дурацкой юрконсультации.

— Что есть, то есть, — согласился я, — но что же делать! Работа такая.

— «Работа», — передразнила Лена, — а кто тебя заставил в свое время уйти из Генпрокуратуры?

— Высокие побуждения. Ты же знаешь. Ну не мог я больше притворяться, что, мол, все хорошо, прекрасная маркиза...

— ...Маркиза ангелов, — машинально подхватила Лена. — Ну ладно, ближе к делу. Об Анжелике. Никакая она не маркиза, никаких не ангелов. А просто-напросто самая популярная на сегодняшний день эстрадная певица. Ни больше ни меньше. Ее по телевизору показывают постоянно. По всем каналам. Неужели ни разу не видел? Ну вспомни, Юрочка! Хотя бы ее самую популярную песню.

Я отрицательно покачал головой:

— Что за песня?

— Называется «Хочешь, я убью его?..».

— Хм... И в чей адрес сия угроза? — насторожился я. — Попахивает криминалом. Предложение сотрудничества с целью убийства... Статья...

Я почесал затылок, стараясь вспомнить соответствующую статью.

— Да ну тебя, Юра! Ну вспомни!

— Сейчас... Это статья...

— Точно, Гордеев, тебе отдых нужен... Да не статью вспомни, а Анжелику!

Тут в моей голове начали всплывать какие-то разрозненные картинки.

— Это не такая лохматая с раскосыми глазами? — неуверенно спросил я.

Лена расплылась в улыбке:

— Ну наконец-то. Допер, что называется. Конечно, это именно она. Анжелика.

— А фамилия-то у нее есть?

— Конечно, есть. Раззаева. Но на сцене она просто Анжелика.

— Ясно.

— Ничего тебе не ясно. Между прочим, она самая высокооплачиваемая певица на сегодняшний день.

— Так, ну это ты уже мне говорила. Лучше скажи, каким образом она связана с тобой, а тем более со мной? Что, у этой Анжелики Раззаевой какие-то проблемы?

— Пока нет. Но могут быть. Ты слышал о покушении на Симеонова? Уж его-то ты знаешь, я надеюсь?

— Да, знаю. Это муж Анны Разиной. А покушение... Оно вроде неделю назад произошло? Так, что-то слышал краем уха... На него, кажется, сумасшедший поклонник с ножом набросился.

— Ну насчет поклонника — это еще неизвестно. Журналисты много чего придумать могут. Пока следствие особенно не продвигается.

— А ты, я вижу, в курсе? — подмигнул я.

— А как же? Я, между прочим, вхожу в следственную бригаду по раскрытию этого преступления.

— Кто ведет следствие?

— Бородулин.

Я помнил этого «важняка». Невзрачный такой, занимался в основном экономическими преступлениями.

— А почему именно он? — поинтересовался я.

— Людей нет. Все в отпусках.

— Как это мне знакомо! — со вздохом отозвался я. — Может, Бородулин тоже холостой? Тоже летом не отпускают?

Лена засмеялась и мотнула головой. Волосы у нее, конечно, великолепные...

— Между прочим, после того как преступник напал на Симеонова, он сильно ранил женщину, случайно подвернувшуюся под руку, и пырнул в живот режиссера телевидения.

— Да, я слышал.

Лена отхлебнула из стакана и вынула из сумочки сигареты.

— Так вот. Этот режиссер, к счастью, остался жив, провел некоторое время в реанимации и сейчас лежит в Склифе. Там же, кстати, находится и раненая женщина. Позавчера Бородулин отправил меня к нему для допроса, чтобы выяснить кое-какие детали, которых режиссер, впрочем, почти совершенно не помнит.

— Еще бы. Такое переживание. Писали, что весь туалет был залит кровью.

— Вот-вот. Но он все-таки напряг память и сообщил мне одну очень важную деталь. Перед тем как перерезать плечо женщине и соответственно до того, как ранить самого режиссера, преступник несколько раз повторил, что делает он это, чтобы отомстить за Анжелику.

— Ясно... Очень просто, как дважды два. Значит, Симеонов чем-то обидел Анжелику и та подослала к нему убийцу?

Лена отрицательно покачала головой:

— Нет. Во-первых, если бы он намеревался убить Симеонова, он бы так и сделал. А он нанес удары в плечо. Это больше похоже на демонстративное запугивание. А во-вторых, на самом деле Анжелика никого не посылала. Да и не могла послать, так как никаких обид в отношении Симеонова не держит.

— Откуда ты знаешь?

— Я с ней говорила.

— А, значит, ты успела допросить и Анжелику?

— Естественно. Правда, это был не допрос, а просто дружеская беседа. Дело в том, что я с ней давно знакома.

— Хм... Это меняет дело. Значит, получается, ты заинтересованное лицо? Но в таком случае ты обязана заявить самоотвод.

— Получается так, — согласилась Лена.

— Однако заявлять самоотвод ты, кажется, не намерена?

— Если честно, нет. Ну сам посуди, кто я такая? Пятая спица в колесе. Все равно решения принимает Бородулин. Так что особого вреда следствию я принести не могу. Согласен?

— Закон есть закон, — менторски поднял я указательный палец.

— Хотя, — продолжала Лена, — одно нарушение я уже допустила. Узнав о том, что преступник упоминал имя Анжелики, перед тем как ранить женщину, я не внесла это в протокол допроса Ковтуна. Вот в чем дело.

— Ого, да это уже прямое процессуальное нарушение. Тебя за это по головке не погладят.

— Я знаю. Но до того как Бородулин вникнет в протокол допроса Ковтуна и узнает об этом, я решила провести собственное небольшое частное расследование. Все-таки в свое время мы с Анжеликой были почти подругами...

— Даже так? Интересно...

— Мы с ней познакомились давно. И совершенно случайно.

— А ты мне ни разу не рассказывала.

— Хм... Я тебе, Юра, много чего не рассказывала.

Я укоризненно погрозил ей пальцем:

— Вот так вот. Вызволяешь человека из трудного положения, можно сказать, от гибели избавляешь, а он отвечает черной неблагодарностью. Я-то думал, что мне почти все о тебе известно.

— Не волнуйся, Юра, — неожиданно серьезно ответила Лена, — это правда. Тебе известно почти все. А знакомство с Анжеликой — это мелочь. Эпизод, о котором я и сама почти забыла. Во всяком случае, я так думала до того момента, пока ее имя не прозвучало в деле о нападении на певца Симеонова.

— Еще не прозвучало, — поправил я, — ты же скрыла этот факт от Бородулина.

Лена кивнула:

— Да. Но я уверена, что это ненадолго. Мне удалось, конечно, оттянуть время, но Бородулин все равно скоро узнает об этом. От Ковтуна ли, от Симеонова, от раненой женщины, но узнает. Он же все равно будет их передопрашивать.

— Интересно, как ты собираешься объяснить то, что не внесла в протокол допроса Ковтуна такую важную деталь?

Лена беспечно пожала плечами:

— Ну Ковтун ведь мог что-то напутать. Он раненый, в больнице лежит... У него в голове все путается... Я это так и объясню. Как ты считаешь?

— Несерьезное объяснение... Хотя, может быть, именно по этой причине и прокатит... — Я с сомнением покачал головой. — Ох, чувствую, будет тебе большой нагоняй. Ну ладно. А теперь расскажи наконец, что тебя заставило нарушить Уголовно-процессуальный кодекс и чего ты, собственно, хочешь от меня.

— Я тебе все с самого начала расскажу...

Лена зажгла сигарету и задумалась. Вызывать в памяти события ее не то чтобы далекого, но уж точно бурного и даже трагического прошлого было непросто — я это прекрасно понимал. В сущности, своей постоянной маской донельзя разбитной девчонки Лена прикрывала свою очень ранимую и впечатлительную натуру. А впечатлений у нее в жизни было ой как много! Иной добропорядочной семье на всех хватит — от прадедушек до внучатых племянников. Поэтому я не торопил ее. В сущности, никаких дел у меня, как я уже говорил, не имелось, а выслушать еще одну захватывающую историю из жизни Лены Бирюковой я был не прочь.

— Познакомились мы совершенно случайно. — наконец начала Лена. — Однажды я зашла в большой универсальный магазин на Новом Арбате купить себе какую-то мелочь — колготки или платки. Стою в торговом зале, смотрю шмотки, которые на вешалке висят, и вдруг чувствую — кто-то тихо и осторожно в мою сумку лезет. Я резко повернулась — стоит девушка. Молоденькая совсем, стрижечка короткая, потертые джинсики, сережка в носу. А рука по самый локоть в моей сумке. Ну у меня реакция хорошая, я ее хвать и не отпускаю. А она жалобно так смотрит на меня, как нашкодивший ребенок. Глаза блестят, вот-вот расплчется. Ну постояли мы чуть-чуть, она руку дергает, а я не отпускаю. Говорю:

— Хочешь посмотреть, что у меня в сумке?

Девушка только всхлипывает и молчит.

— Ну что делать будем? — спрашиваю.

Она вздыхает тяжело так, и слеза по щеке стекает. Я, еле сдерживая улыбку, лезу в сумку, достаю платок и ей протягиваю:

— На, вытри. А то тушь потечет.

Она вытирает и говорит:

— Отпустите меня... тетенька, я больше не буду.

Ну детский сад, в самом деле. Ну и потом, сам посуди, какая я ей «тетенька»? Ну немного старше... Я еще крепче ее за локоть держу и вывожу из магазина, а то на нас уже продавщицы внимание обращать начали. Мне просто любопытно стало, что такая вроде приличная девчонка, а по чужим сумкам шарит. Молодая совсем, на воровку не похожа. Сажаю ее в свою машину, а она тут вообще разрыдалась. Сидит, ревет, сопли по лицу размазывает. Думает, я ее сейчас в милицию повезу. А меня, честно говоря, смех разбирает, потому что вижу родствен-

ную душу. Конечно, я до карманных краж не опускалась, но разного дерьма уже тогда повидала выше крыши.

— Это верно, — заметил я, — и что, это оказалась Анжелика?

— Да. Ну понятно, ее тогда никто не знал. Мы с ней разговорились, она рассказала, что, собственно, довело ее до жизни такой. Приехала она откуда-то с Алтая, вслед за мальчиком своим, с которым познакомилась там, у себя. Он служил неподалеку от ее городка. Ну как это обычно бывает! Приехала в столицу, любовь-морковь... А потом поматросил ее мальчишечка-москвич, да и бросил. Кому такая нужна — провинциалка, ни кола ни двора, ни прописки, ни приданого? Родители, видно, мозги сынку своему вкрутили, вот он ей деньги на обратный билет, да и выгнал. А что делать дальше? Деньги, которые он ей дал, быстро кончились, ночевала она на вокзале, питалась «ништяками».

— Чем? — поинтересовался я.

— Это так на молодежном жаргоне объедки в столовках называются... А что ей было делать? Домой ехать? Стыдно, родители косо глядеть будут, подруги по углам шушукаться начнут, соседи сплетнями замучат. Да и вообще, не хотелось ей в свой вонючий городишко возвращаться. Я ее очень хорошо понимаю! Так и осталась в столице. А у нее талант был — пела Анжела хорошо. Ну раздобыла где-то старую гитару — и айда на Арбат. Поначалу все шло хорошо. Денег заработанных на жизнь хватало, даже каморку в коммуналке сняла. Постепенно стала она чем-то вроде местной арбатской достопримечательности, люди специально приходили посмотреть на Анжелу. Ну ясно, через некоторое время местная мафия на нее тоже внимание обратила. И потребовала денег за место. Она поначалу отнекивалась, потом согласилась — делать нечего. А тут новая беда. Знаешь, если не везет, то во всем. Когда пришла пора платить, ее комнатку ограбили соседи-алкаши. Вот и пришлось ей хочешь не хочешь где-то денег добывать. Пораскинула мозгами и решила кошелек выгащить, дурочка. Счастье еще, что именно я оказалась ее первой жертвой. А не то оказалась бы в милиции, загремела бы в тюрьму... Вряд ли ей попался бы такой же хороший адвокат, как мне...

Она озорно подмигнула. Действительно, страшно подумать, что бы случилось, не окажись я в нужный момент ее адвокатом...

Однако, несмотря ни на что, я поспешил остудить ее пыл:

— И ты ей поверила? Знаешь, воровки и проститутки мастерицы байки травить. Они такое придумают... Правдоподобно, главное...

— Ты, я вижу, большой спец? — ехидно заметила Лена.

— Естественно. Забыла, что я следователем работал? Да еще под началом Александра Борисовича Турецкого. Так что опыт есть.

— Конечно, поначалу я тоже думала, что Анжела заливает. Но потом поняла — все это правда. И решила я ей помочь.

— Неужели дала денег, чтобы расплатиться с бандитами?

— Нет, конечно. Заехали в ее квартиру, забрали оставшиеся после ограбления пожитки. И повезла я ее к себе. Помыла, придела. Отвела ей комнатку. А своему кадру сказала, что это, мол, моя горничная будет. Он не возражал и даже зарплату назначил...

— Короче говоря, девчонке повезло. Счастье само в руки упало.

— Да. Ну а когда я послушала, как она поет... И какие песни пишет... В общем, решила я ей по-настоящему помочь. Устроила в один из приличных ресторанов, опять через своего мужика. А потом произошли события, о которых ты знаешь, — меня обвинили в убийстве, посадили в тюрьму... Конечно, на некоторое время я потеряла Анжелику из виду. А потом как-то раз включаю телевизор — и вижу знакомое лицо. Через некоторое время мы с ней встретились. Оказалось, что дальше события развивались как в сказке: в ресторане совершенно случайно оказался один известный продюсер, из самых крутых, он обратил на нее внимание и решил начать ее раскручивать.

— Прямо история Золушки, ни дать ни взять!

— Именно. Очень быстро Анжелика достигла самого верха. Концерты, гастроли, клипы по телевизору... И я, честно говоря, этому очень рада, потому что знаю — Анжелика очень честный и порядочный человек. Не говоря уже о том, что талантливый...

— Понятно... Значит, ты боишься, что, узнав о том, что преступник, перед тем как напал на женщину, упомянул Анжелику, Бородулин немедленно начнет подозревать ее?

Лена кивнула:

— Ты очень проницателен. Ну сам подумай — как бы, по твоему мнению, он поступил?

Я пожал плечами:

— Двух мнений быть не может. Я бы сам именно так и поступил на его месте. Конечно, Бородулин выдвинет версию, которая так или иначе затрагивает Анжелику Раззаеву в качестве основной подозреваемой, виновной в организации покушения на знаменитого певца. Заявит, что руку с ножом направляла именно она, Анжелика Раззаева. Особенно если никаких более серьезных версий у него нет...

— Нет, можешь мне поверить.

— Ну вот. А тут такой скандалище! Кровавые разборки эстрадных звезд! Грызня в мире шоу-бизнеса! Да что говорить, любой следователь на его месте поступил бы точно так же. Это же какая реклама!

— Вот-вот. Поэтому я и не стала торопить события. Тем более у меня есть некоторые соображения на этот счет...

— Вот это интересно. Судя по всему, ты находишься, что называется, в материале. Но сначала ответь, почему ты все это рассказываешь именно мне. Хочешь просто посоветоваться или...

Лена улыбнулась:

— Или. Сам понимаешь, когда у тебя есть знакомый адвокат, причем очень хороший адвокат...

Она сверкнула глазами.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил я.

— ...А другой твоей знакомой грозит серьезное обвинение, то логично будет, если я предложу ей твои услуги.

— Предложишь или уже предложила? — поинтересовался я, пристально глядя ей в глаза.

— Ну хорошо, уже предложила. Я же знаю, Гордеев, ты никогда не пропустишь интересное дело. А это дело очень интересное, я гарантирую. И между прочим, денежное. Поэтому я вчера встретила с Анжеликой. И серьезно с ней поговорила. Рассказала об этой фразе преступника. А это для нее очень опасно, она может потерять не только популярность, но и свободу. И дала понять, что без хорошего адвоката ей не обойтись.

— Ясно...

Итак, я еще не знал подробностей этого дела, но руки, честно говоря, уже чесались. Не могу сказать, что я слишком доверяю мнению Лены Бирюковой, но то, что у нее отменная интуиция, — это факт. Кстати говоря, Константин Дмитриевич Меркулов тоже это заметил и именно поэтому настоял, чтобы Лена в свое время перешла из нашей пыльной юрконсультации в Генпрокуратуру. После окончания вечернего отделения юрфака МГУ она стала стажером, а потом и следователем Генпрокуратуры. К тому же, как я уже говорил, никаких дел у меня не было, а защищать на предварительном следствии, а возможно, и в суде интересы знаменитой певицы — лучше рекламы и придумать нельзя. Хорошо было бы еще выиграть процесс...

— Значит, ты хочешь, чтобы я взялся защищать интересы этой Анжелики?

— Да.

— Ну что же, я согласен. Ну конечно, если мы с ней договоримся о размере гонорара.

— Этот вопрос мы уже утрясли, — ответила Лена.

— Ого! Оперативно! Может быть, пойдешь ко мне в качестве менеджера?

— Что ж, можно подумать...

— И какой же гонорар ты мне наскребла?

— Нормальный. Я знаю расценки. Будешь доволен...

В этот момент в сумочке у Лены зазвенел мобильник.

— Да... Здравствуйте, Валерий Иванович... Ага... Я читала об этом случае в «Московском комсомольце»... Не помню число, но в архиве должны найти... Примерно полторы-две недели назад...

Разговор сильно расстроил Лену. Она заметно погрузтелла, как-то даже спала с лица.

— Ну вот, — сказала она, — Бородулин уже раскопал все.

— Что именно?

— Узнал о том, что Анжелика замешана в этом деле. Очевидно, или снова ездил к Ковтуну в больницу, или Симеонов что-то новое вспомнил. А может, кто-то на съемочной площадке слышал выкрики преступника и рассказал следователю.

— А ты уверена, что больше ничего не произошло?

Лена пожала плечами:

— Не знаю. Как бы там ни было, теперь он начнет трясти Анжелику. И мы, в первую очередь ты, Гордеев... — она вытянула свой тонкий, изящный палец с длинным воинственным ногтем в мою сторону, — должны этому помешать.

— Хорошо, — подытожил я, — давай назначим встречу с ней на завтра.

Однако Лена покачала головой:

— Нет, Гордеев. Нужно немедленно действовать. Кто знает, может быть, Бородулин уже завтра вызовет ее на допрос? Поэтому поедem сегодня.

— Куда?

— На концерт! Между прочим, во всех газетах пишут, что концерт Анжелики — исключительно впечатляющее шоу. Так что не пожалеешь. Заодно отвлечешься.

Меньше всего мне хотелось покидать свою квартирку. Но работа есть работа. А Лена обещала заехать ко мне перед концертом.

Глава 4

Жаркий летний день медленно заканчивался. Яркое солнце постепенно сменилось красным закатом. Раскаленные московские мостовые, казалось вот-вот готовые расплавиться, начали неторопливо остывать, неохотно отдавая собственное тепло и без того горячему воздуху. Сверкающий неоном Новый Арбат продолжал свое броуновское движение. Автомобили неслись в обе стороны, прохожие, каждый согласно собственной замысловатой траектории, двигались по широким тротуарам.

Невысокий человек средних лет, одетый в светлый летний костюм, вошел в холл ресторана «Прага» и без всяких препятствий миновал нескольких привратников, которые образовывали у входа нечто вроде кордона. Даже скучающие в углу (чтобы не мозолить глаза посетителям) двое омовцев с автоматами, на глаз определявшие, кто есть кто, не обратили ровно никакого внимания на его маловыразительную внешность. Человек не мог вызвать никаких подозрений. Спокойный взгляд из-под очков в недорогой оправе, чистая обувь, скромный костюм сразу наводили на мысль, что это посетитель средней руки, скажем, служащий одного из многочисленных административных зданий, случайно забредший сюда пообедать. Даже для «Праги», где личности внушительного вида не редкость, попадаются и вот такие, совершенно обычные люди.

Он решительно толкнул тяжелую дверь и вошел в большой гранитно-мраморный вестибюль. Здесь было гораздо прохладнее, чем снаружи. Работали мощные кондиционеры, хотя и без них камень, из которого был построен старинный ресторан, настолько медленно нагревался, что не успевал за долгий жаркий день отдать свою прохладу.

Мужчина поднялся на второй этаж и оказался в одном из нескольких залов ресторана. Перебросившись парой слов с метрдотелем, он устроился за столиком у открытого окна. Отхлебнул минеральной воды, закурил.

Вскоре официант принес закуски. Посетитель съел салат, намазал маленький кусочек хлеба черной икрой, потом отведал красной рыбки, красиво разложенной на блюде в окружении кусочков лимона, свежей зелени и оливок. Затем он съел первое — солянку с осетриной. И только когда принесли второе — толстый сочный бифштекс, покоящийся на ложе из жареного картофеля, — он, словно ему было нестерпимо жарко, поднялся, наклонился над широким подоконником и подставил голову свежему ветерку. Несмотря на широкие подоконники, ему была видна площадка перед подъездом ресторана.

К ресторану один за одним подъезжали автомобили. Машины — все как на подбор шикарные иномарки, блестящие благородной полировкой и выделяющиеся изяществом линий. Из машин выходили строго и дорого одетые мужчины, некоторые даже в смокингах, их сопровождали дамы в вечерних платьях с изысканными украшениями. Публика явно была непростая. Мужчина продолжал наблюдать за происходящим. Шикарная публика, выбравшись из своих авто, быстро исчезала под козырьком у подъезда ресторана.

Наконец к «Праге» подъехал большой черный лимузин. Передняя дверца открылась, из машины выскочил человек с кожаной папочкой в руке, открыл заднюю дверь. Из машины выбрался немолодой мужчина внушительной внешности. Он был одет в официальный темный костюм, белую рубашку. Ничто бы не отличало его от тех, кто перед ним приехал сюда, если бы не одна деталь — на шее у него висел небольшой серебряный крест. Широкая атласная лента свидетельствовала, что это не что иное, как орден.

Вслед за ним из машины вышел парень лет двадцати — двадцати двух, тоже одетый официально. Он пригладил волосы, чуть ослабил узел на галстуке и вопросительно глянул на мужчину с орденом. Тот, улыбаясь, что-то сказал ему. Затем обнял за плечи, и они, так же как и все приехавшие ранее, скрылись под козырьком.

Человек внимательно наблюдал за происходящим. Хотя со стороны нельзя было понять, что его очень интересует то, что делается на улице. Так, выглянул от нечего делать...

— Что-нибудь еще? — спросил подошедший официант.

— Да, — улыбнулся мужчина, — сейчас разберусь с бифштексом — и мороженое, пожалуйста. Жарко тут у вас.

Официант сочувственно кивнул и вынул блокнот:

— У нас девять сортов.

— С орехами... И с клубничным вареньем.

Официант чиркнул карандашиком в своем блокнотике и умчался. Человек доел бифштекс, выпил еще газировки, аккуратно вытер рот и встал из-за стола. Затем оставил на металлической тарелочке несколько купюр и пошел к выходу.

Выйдя из зала в холл, мужчина прошел мимо входа в мужской туалет, не стал присоединяться к немногим курильщикам, которые сидели в креслах тут же, в холле, а неторопливо поднялся по лестнице на третий этаж.

Здесь было гораздо более оживленно. Приехавшие на своих шикарных автомобилях люди собрались именно здесь. Они стояли небольшими группками, курили, отхлебывали из бокалов, которые разносили шнырявшие туда-сюда официанты. Видимо, гости ждали приглашения в зал, к основной трапезе.

Здесь тоже никто не обратил внимания на появление незнакомца, — видимо, присутствующие сами не все были знакомы друг с другом. Незнакомец взял фужер шампанского с подноса проходившего мимо официанта, закурил и стал неторопливо прохаживаться.

Если бы кто-нибудь внимательно следил за ним, то сразу понял бы, что из всех присутствующих мужчину интересует только виновник торжества — немолодой человек с орденом на груди. При этом незнакомец старался наблюдать за его группкой незаметно, постоянно меняя точку наблюдения.

Время от времени к обладателю ордена подходили люди и поздравляли, указывая на серебряный крест. Иные целовали его в обе щеки, некоторые ограничивались рукопожатиями и формальными улыбками. Кое-кто протягивал визитки, которые орденосец небрежно прятал в карман. Нетрудно было догадаться, что предстоящий банкет посвящен тому, что мужчина получил орден.

Рядом сучал двадцатилетний парень, приехавший с ним в одной машине. Он переминался с ноги на ногу, иногда делал глоток-другой из стакана (судя по всему, в нем был просто апельсиновый сок). Кажется, его совершенно не интересовало происходящее, тем более что среди гостей совершенно не было людей его возраста.

Парень неуловимо походил на виновника торжества. Возможно, они были родственниками или даже отцом и сыном. Это же подтверждало то, как человек с орденом разговаривал с парнем.

Впрочем, практически любой человек, родившийся в бывшем СССР, взглянув на орденосца, непременно узнал бы его. Григорий Абрамович Консон, легенда советской эстрады, лауреат всех возможных премий, конкурсов и обладатель множества регалий. Он начинал еще на заре Брежнева, прошел огонь и воду, пережил множество своих недоброжелателей и сейчас по-прежнему был на коне. Его мощный голос в свое время звучал на всех без исключения официальных концертах, посвященных съездам КПСС, ВЛКСМ и ВЦСПС, различным профессиональным праздникам — от Дня милиции до Дня работника коммунального хозяйства. И теперь, когда многие эстрадные звезды времен застоя были прочно и, кажется, навсегда забыты, Григорий Консон ничуть не утерял своей прежней популярности. Выступления его проходили при неперемненных аншлагах, без него по-прежнему не проходил ни один официальный концерт...

Банкет в «Праге» проходил по случаю сегодняшнего вручения Григорию Консону ордена «За заслуги перед Отечеством».

Через несколько минут парень, видимо совсем заскучав, поставил недопитый бокал на поднос проходящего мимо официанта и скрылся за деревянной перегородкой, закрывающей вход в туалет.

Незнакомец незаметно последовал за ним.

Несмотря на то что в холле было довольно оживленно, туалет оказался пуст. Незнакомец аккуратно прикрыл на собой дверь и неслышно приблизился к парню, стоящему у одного из писсуаров. Тот мельком глянул через плечо на вошедшего и тут же отвернулся.

А между тем незнакомец произвел некоторые странные манипуляции. Он подошел к кабинке, открыл и сразу закрыл дверь, видимо, чтобы имитировать, что он в нее вошел. Оставшись, однако, снаружи, он достал из внутреннего кармана небольшой ножик-«клиппит» с широким лезвием, устройством для открывания одним большим пальцем и надежным фиксатором. Секунда — и лезвие откинулось с негромким щелчком.

Не теряя времени, человек размахнулся и всадил нож по самую рукоятку в плечо парнишке. Тот ошарашенно оглянулся, еще не совсем понимая, что же с ним произошло, и, похоже, даже не ощутив боли. Незнакомец, стараясь не запачкаться кровью, схватил его за шею и прикрыл ладонью рот. Затем потащил в кабинку. Парень, наконец осознав свое положение, стал вырываться. Но не тут-то было — незнакомец, судя по всему, отличался недюжинной силой. Он так сильно ударил парня головой об унитаз, что тот потерял сознание. Вынув нож из раны, он аккуратно стер лезвие о полу пиджака парня, сложил лезвие и положил нож в карман. Потом достал из кармана сложенный вдвое кусочек бумаги и, смазав его кровью парня, как клеем, прилепил ее к стене туалетной кабинки. Затем быстро прикрыл дверь и направился к выходу из туалета.

Надо сказать, преступнику, которым оказался поначалу безобидный посетитель, удалось не запачкаться в крови своей жертвы.

В этот момент дверь открылась и в туалет вошел сам Григорий Консон. Он внимательно поглядел на незнакомца, и, видимо, что-то в его взгляде ему не понравилось. Консон кинул быстрый взгляд внутрь туалетной комнаты и заметил большое пятно крови, отпечатавшееся на сверкающем белоснежном кафеле.

— Давид! — крикнул Консон и, не услышав ответа, немедленно схватил незнакомца за полу пиджака. Тот, взяв Консона за запястье, без видимых усилий, резким движением выкрутил ему руку и освободился. Открыв дверь, он выскочил из туалета. — Держите его! — закричал Консон.

Окружающие повернулись к незнакомцу, который, однако, не теряя времени, стал пробираться к лестнице. Некоторые из мужчин кинулись к нему. В руке у незнакомца снова оказался нож, вид которого охладил решимость большинства гостей. Женщины завизжали, толпа расступилась. Казалось, мужчина близок к своей цели — лестнице, но в этот момент, словно из-под земли, выросли двое рослых охранников Консона. Они провели пару молниеносных приемов, в результате чего незнакомец оказался на полу. Собственно говоря, он и не сопротивлялся.

...Бородулин оказался в «Праге» спустя полтора часа после того, как было совершено покушение на сына всенародно известного певца Григория Консона — Давида.

Константин Меркулов, когда ему по телефону доложили о первоначальных результатах осмотра места происшествия, сразу сделал вывод о схожести случая в Останкине и преступления в ресторане «Прага». И послал туда Бородулина. Собственно говоря, в любом случае Бородулину, скорее всего, и пришлось бы браться за это дело.

Дежурная оперативно-следственная группа Главного управления внутренних дел Москвы уже занималась осмотром места преступления.

— Здравствуйте, Валерий Иванович. — К Бородулину подошел следователь Московской городской прокуратуры, который возглавлял группу. — Меня зовут Виктор Попов.

— Здравствуйте, Попов. — Бородулин не любил фамильярности в отношениях с коллегами ниже по званию и предпочитал называть их по фамилии. — Ну что тут у вас?

— Давиду Консону нанесены телесные повреждения, судя по мнению судмедэкспертов, средней тяжести.

— Это сын Григория Консона?

— Да. Ножевое ранение в плечо и травма головы вследствие сильного удара о край унитаза.

— Состояние потерпевшего?

— Удовлетворительное. Во всяком случае, так констатировал дежурный врач «скорой помощи», который осмотрел его, перед тем как отправить в больницу.

— Куда они поехали?

— В Склиф.

— Он пришел в сознание?

— Да. Но находится в шоковом состоянии.

— Хорошо, — сказал Бородулин, хотя ничего хорошего, собственно, не произошло. — Большая кровопотеря?

Попов отрицательно покачал головой:

— Нет. Благодаря тому, что помощь была оказана немедленно, врачом, который был среди присутствующих гостей...

Попов чуть наклонился к Бородулину и доверительно произнес:

— Между прочим, это был знаменитый Чазов...

Бородулин кивнул. Ну ясно, Консон собрал всю старую гвардию отпраздновать вручение очередного ордена. Ничего хорошего для следствия... Пока доберешься до этих высокопоставленных свидетелей, поседеть можно... Хотя если повезет, то удастся и без них обойтись.

— Кстати, Консон, очевидно, уехал в больницу вместе с сыном?

— Да. Прямо в машине «скорой помощи». Но до этого я успел допросить его. Вот.

Он протянул Бородулину лист протокола допроса свидетеля. Тот мельком просмотрел текст.

— Так, значит, картина преступления нам ясна. Это хорошо. Где задержанный?

— Он в наручниках, находится в служебной комнате. Здесь рядом.

— Как прошло задержание?

— После короткой схватки с Консоном он выскочил из туалета, попытался прорваться сквозь толпу. У лестницы, к счастью, находились охранники Консона. Они и схватили преступника.

— Он оказал сопротивление?

— Нет, что самое удивительное, он не сопротивлялся. Может быть, сразу понял, что это бессмысленно? Охранники, два здоровенных мужика. И потом, внизу есть охрана ресторана... Так что выбраться отсюда ему все равно бы не удалось.

— Хм... Тогда интересно, на что же он рассчитывал? — пробормотал под нос Бородулин.

Попов пожал плечами и продолжил:

— После первого же силового приема преступник оказался на полу и не делал никаких попыток освободиться. Охранники и надели на него наручники.

— Кроме наручников, никаких специальных средств они не применили?

Попов покачал головой:

— Нет. Да и надобности никакой в этом не было...

— Хорошо. Я сначала осмотрю место преступления, а потом уже займусь задержанным...

Они вместе прошли в туалет. Эксперт-криминалист из дежурной оперативно-следственной группы уже заканчивал здесь работать.

— Самое интересное, — сказал Попов, — вот. Это находилось на стенке.

Бородулин посмотрел на записку, которую аккуратно сняли со стены туалетной кабинки. На белом кафеле осталось кровавое пятно. Впрочем, кровь успела пропитать и записку.

На клочке бумаги значилось: «За Анжелику!»

— Хм, — почесал затылок Бородулин. — Вот это действительно интересно.

Он постарался сохранить спокойствие, когда прочитал эту записку, но сердце следователя радостно подпрыгнуло. Еще бы, если сопоставить ее с показаниями Симеонова, картина преступления отчетливо вырисовывается. И связь его с останкинским, которую сразу почувствовал Константин Меркулов, — тоже.

Итак, Анжелика. Нельзя сказать, что Бородулин очень хорошо знал молодежную эстрадную музыку. Но имя Анжелики ему было знакомо. Еще когда Симеонов назвал ее имя, он почувствовал след. А теперь еще и записка. Что ж, все это можно назвать большой удачей. Если повезет, следствие по этому делу вполне реально закончить очень быстро, в предусмотренный УПК двухмесячный срок, так что отсрочек брать не придется.

— Знаете, — обратился Бородулин к Попову, — пожалуй, я сам допрошу задержанного. А вы тут заканчивайте с осмотром места происшествия.

Примерно через час Бородулин сидел в кабинете следственного изолятора ГУВД Москвы на Петровке, 38, и внимательно смотрел на человека, который нанес удар ножом сыну знаменитого певца. В общем-то это был ничем не примечательный мужчина с маловыразительным лицом. Таких не запоминают свидетели и не сразу опознают пострадавшие. Если бы ему удалось уйти, думал Бородулин, вряд ли бы мы его быстро задержали. Если бы задержали вообще. Во всяком случае, повозиться пришлось бы... Хорошо, что так вышло.

Следователь вынул из папки бланк протокола и начал:

— Фамилия, имя, отчество?..

— Вы же взяли мои документы! Там все написано.

Задержанный говорил с легким акцентом неизвестного происхождения. На кавказца не похож. И на среднеазиата тоже. Волосы темные, но не черные, глаза карие. Скорее всего, какая-нибудь небольшая народность из средней полосы, например мордвин, заключил Бородулин, хотя знал, что в графе «национальность» паспорта, который был изъят у задержанного, значилось «русский».

— Таков порядок, — строго сказал Бородулин, — итак, фамилия, имя, отчество?

— Сафин, — неохотно произнес тот, — Руслан Николаевич.

— Год и место рождения?

— Шестьдесят первый год. Махачкала, Дагестан.

— Вы дагестанец?

— Отец русский. Мать татка³.

— Понятно. В Москве давно?

— Пятнадцать лет. Как закончил институт.

— Где учились?

— Народно-хозяйственный.

— Работаете?

— Конечно. — Сафин насмешливо глянул на следователя. — ООО «Беркут». Директор.

— Чем занимается фирма?

Задержанный задумался, потом не слишком уверенно ответил:

³ Таты — небольшая северокавказская народность.

— Посредническая деятельность.

— И все?

— Ну, — неохотно сказал тот, — еще торгуем аудиовидеопродукцией.

— Чем именно?

— Видеокассеты. Компакт-диски.

— Понятно. По этому поводу мы еще поговорим. — Бородулин аккуратно внес все, сказанное Сафиным, в протокол. — А теперь что вы сами можете сказать по поводу инцидента?

Сафин пожал плечами:

— Что я могу сказать! Ничего не могу. Сами все знаете. Столько свидетелей было...

— Вы знали раньше пострадавшего?

— Нет.

— Почему вы напали на него?

Сафин помолчал, покусал губу и ответил:

— Я ударил его, чтобы показать, какой подонок его отец.

— Вы имеете в виду Григория Консона?

— Да. Что, у него есть еще один отец?

Бородулин отрицательно покачал головой:

— Нет. Значит, вы знакомы с Григорием Консоном?

— Нет, лично не знаком. Ну а так... его ведь каждая собака знает.

— Из чего же вы сделали вывод, что Консон, как вы выразились, подонок?

— Я отомстил.

— За что?

— Не за что, а за кого.

— Ну хорошо, за кого вы отомстили?

— За Анжелику.

Бородулин аккуратно и с большим удовлетворением записал эту фразу в протокол.

— На стене туалетной кабинки мы обнаружили записку. Ее оставили вы?

— Да.

— Кто это — Анжелика?

Сафин улыбнулся:

— Одна... моя знакомая.

— Кто именно? Фамилия?

— Я не знаю.

— Хорошо. Где проживает эта Анжелика?

Сафин пожал плечами:

— Не знаю.

— Где вы с ней встречались?

— В гостинице.

— В какой?

— В «России».

— Когда именно?

— Недели две назад.

— Вы давно знакомы с ней?

— Нет. Мы тогда и познакомились.

— Расскажите, как это было.

Бородулин не мог поверить своему счастью. Этот Сафин колотся с полпинка. Не запирался, выкладывал все как на духу. Было такое впечатление, что он только и ждал вопросов следователя...

— Я был в ресторане на первом этаже. Сидел спокойно, ел. А потом слышу — в фойе кто-то скандалит. Ну я вышел посмотреть, в чем дело. А там эта Анжелика. Это известная певица, вы должны ее знать. Очень известная.

Бородулин кивнул:

— Да, я ее знаю.

Конечно, у следователя почти не было сомнений, какая именно Анжелика имеется в виду. А теперь это подтверждалось документально, показаниями самого подозреваемого. А это, знаете ли, дорогого стоит...

— Что делала Анжелика в тот момент, когда вы вышли из ресторана?

— Она скандалила и кричала. Вокруг люди суетились. Пытались ее остановить... Но она продолжала.

— Она была пьяна?

— Да... Видимо, тоже из какого-то ресторана вышла.

— Что было дальше?

— Кто-то вызвал милицию, а она была одна. Никого рядом не было. Я подумал, что лучше ей в милицию не попадать.

— Почему?

— Хм... — усмехнулся Сафин. — От нашей милиции в любом случае подальше надо держаться. Даже если невиновен. А уж тут... Сами понимаете...

А ведь он прав, подумал Бородулин.

— Хорошо. Что было дальше?

— Я подошел к ментам. Ну и договорился.

— О чем вы договорились?

— О том, чтобы они ее не трогали. Вроде не было ничего...

— И что же, они так быстро согласились?

— А почему бы и нет? Люди всегда могут общий язык найти.

— Вы дали им деньги?

— Ну что вы! — делано возмутился Сафин. — О чем вы говорите? Наша милиция разве берет деньги?

Он еле заметно подмигнул Бородулину, и тот не стал развивать эту тему. Все равно ничего не докажешь...

— Что было после того, как милиция ее отпустила?

— Она меня поблагодарила. Даже протрезвела немного. И попросила проводить ее в номер. Ну я и проводил.

— Чей номер?

— Ее.

— Так, ясно. — Бородулин подумал, что нужно будет выяснить, действительно ли имел место инцидент в гостинице «Россия», — когда точно это произошло?

Сафин посчитал по пальцам и уверенно сказал:

— Точно. Две недели назад. День не помню.

Следователь поднял телефонную трубку и набрал номер:

— Алло, Лена? Бородулин... Вот тебе задание: съезди в гостиницу «Россия», посмотри журналы дежурств примерно двухнедельной давности плюс-минус три-четыре дня. Искать нужно происшествия, которые произошли с некой Анжеликой Раззаевой... Да, известной певицей. Если не найдешь, то расспроси милиционеров. Узнай, кто дежурил, не было ли инцидента с ней в холле гостиницы... Что? Писали в газете?.. В «Московском комсомольце»?.. За какое число?..

Все складывалось лучше некуда. Через несколько минут Бородулин принес из архива газету «Московский комсомолец» двухнедельной давности, где в разделе хроники следова-

тель прочитал о скандале, который Анжелика учинила в холле «России». Бородулин внимательно прочитал заметку. Показания Сафина подтверждались полностью. Журналист даже мягко намекал на то, что «певице удалось договориться с дежурными милиционерами».

Сафин, улыбаясь, следил за Бородулиным и, кажется, был даже чем-то доволен. Он спросил:

— А в газете про меня ничего не написано? Кстати, мы договорились, чтобы они не составляли никаких актов.

— Значит, — продолжал Бородулин, отложив газету, — Анжелика сразу успокоилась, когда вы подошли?

— Нет. Не сразу. Она кричала. А я стал ее успокаивать.

— Что она кричала?

— Ругала Консона и Разину.

Бородулин еле сдержал улыбку. Об этом в «Комсомольце» написано не было, однако признательные показания Сафина, конечно, ценней, чем какая-то там заметка... Еще чуть-чуть, подумал следователь, и, пожалуй, удастся вырваться в отпуск куда-нибудь к морю. Улик против известной певицы становится все больше и больше.

— Что именно она кричала?

— Кричала, что расправится с этой мерзавкой Разиной и с подонком Консоном. Что испоганит его гадскую рожу, а Разина сделает четвертую пересадку кожи после нее.

— Долго это продолжалось?

— Нет, не очень. Минут десять-пятнадцать.

— Потом вы поднялись к ней в номер.

Сафин кивнул.

— И что дальше?

— Анжелика стала рассказывать, что Разина и Консон не дают ей спокойно жить, мешают ее концертам... Я не очень хорошо помню. Но из ее слов выходило, что они пытаются взять ее бизнес под свой контроль.

— Она была одна?

Сафин кивнул, но как-то не очень уверенно. Бородулин, конечно, обратил внимание на это, но переспрашивать не стал.

— А потом, — продолжил Сафин, — она попросила меня отомстить Консону.

— И вы согласились?

Сафин кивнул:

— Да. Она предложила деньги.

— Сколько?

— Тысячу долларов...

— Хм... Интересно. А почему вы так быстро согласились?

Сафин пожал плечами:

— Когда женщина просит, мужчина не должен отказывать.

— Значит, у вас не было личной неприязни к Консону и его сыну?

Сафин ненадолго задумался и ответил:

— Да нет... Кроме того, что он мне еще с детства надоел со своими песнями.

Закончив допрос, Бородулин вызвал контролера, тот увел Сафина в камеру следственного изолятора, и еще раз перечитал протокол. Выходило, что Анжелика Раззаева наняла Сафина, чтобы тот отомстил Консону за какие-то неприятности, которые он ей доставил. И тот решил совершить покушение на Давида, сына певца. Однако Сафин напрочь отрицал свое участие в случае в Останкинском телецентре. Это несколько озадачивало Бородулина. Особенно смущала схожесть способа нападения — ранение в плечо. В общем-то Сафин показал,

что Анжелика просила никого не убивать, а просто напугать. Но кто напал на Симеонова? Если бы это был Сафин, то для него нет никакого смысла скрывать: рано или поздно все выяснится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.